Andreev, Leonid Nikolaevich

Мысль.

Title transliterated:
Mysl'

PG
3452
M95

Леонидъ Андреевъ

МЫСЛЬ

Драма

Berlin
J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H.

J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H.

Berlin W 50, Rankestraße 33

	м. пф.
Давидъ Айзманъ, Терновый кустъ. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Въ Россіи конфисковано)	1 50
Леонидъ Андреевъ, Анатэма. Трагическое представленіе въ семи картинахъ	2 —
——Анфиса. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1 50
——Губернаторъ. Повѣсть	1 20
——Дни нашей жизни. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1 50
——Екатерина Ивановна. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1 50
——Елеазаръ. Разсказъ	— 50
——Іуда Искаріотъ и другіе. Очеркъ	1 50
——Къ звѣздамъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1 50
——Любовь къ ближнему. Шуточное представленіе	— 50
——Прекрасныя сабинянки. Историческое происшествіе въ трехъ частяхъ	1 —
——Профессоръ Сторицынъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1 50
——Савва (Ignis sanat). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Въ Россіи запрещено къ постановкѣ)	2 —
——Сынъ человѣческій. Разсказъ	1 —
——Такъ было. Очеркъ изъ французск. революціи	— 75
——Христіане. Разсказъ	— 50
——Царь-Голодъ. Представленіе въ 5 картинахъ	1 50
——Черныя маски. Представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ	1 50
Шаломъ Ашъ, Мэри. Романъ	4 —
Максимъ Горькій, Букоемовъ. Очерки. Содержаніе: Букоемовъ, Карпъ Иванович. — Дѣвочка	— 90
——Варвары. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ	2 —
——Васса Желѣзнова. Сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ	1 50
——Враги. Сцены изъ жизни русскихъ рабочихъ. (Въ Россіи запрещено къ постановкѣ)	2 —
——Въ Америкѣ. Очерки. Содержаніе: Городъ Желтаго Дьявола. — Царство скуки. — „Моb". — Чарли Мэнъ	1 50
——Городокъ Окуровъ. Хроника	3 —
——Дачники. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ	2 —
——9-е Января. Очеркъ. (Въ Россіи конфисковано)	— 60
——Дѣти. Комедія	1 —
——Дѣти солнца. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	2 —
——Жалобы. Въ 4-хъ частяхъ. Каждая часть	— 60
——Жизнь ненужнаго человѣка. Романъ. (Въ Россіи конфисковано)	4 —

Andreev, Leonid Nikolaevich
m

Leonid Andrejew

Der Gedanke

Drama

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

МЫСЛЬ

Драма въ шести картинахъ

Mysl'

BERLIN
J. Ladyschnikow Verlag
G. m. b. H.

PG
3452
M95

Авторское право закрѣплено на основаніи Русско-Германской, равно и Бернской литературной конвенціи.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.
Den Bühnen gegenüber Manuskript.

LIBRARY
?59102
UNIVERSITY OF TORONTO

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig

Первая картина.

Богатый кабинетъ-библіотека доктора Керженцева. Вечеръ. Горитъ электричество. Свѣтъ мягкій.

Въ углу клѣтка съ большимъ орангутангомъ, который сейчасъ спитъ, виденъ только рыжій шерстистый комокъ. Пологъ, которымъ обычно задергивается уголъ съ клѣткой, отдернутъ: спящаго разсматриваютъ Керженцевъ и очень блѣдный молодой человѣкъ, котораго хозяинъ зоветъ по фамиліи: Крафтъ.

Крафтъ. Онъ спитъ.

Керженцевъ. Да. Такъ онъ спитъ теперь по цѣлымъ днямъ. Это третій орангутангъ, который умираетъ въ этой клѣткѣ отъ тоски. Зовите его по имени: Джайпуръ, у него есть имя. Онъ изъ Индіи. Перваго моего орангутанга африканца звали Зуга, второго — въ честь моего отца — Игнатіемъ. Смѣется. Игнатіемъ!

Крафтъ. Онъ играетъ . . . Джайпуръ играетъ?

Керженцевъ. Теперь мало.

Крафтъ. Мнѣ кажется, что это тоска по родинѣ.

Керженцевъ. Нѣтъ, Крафтъ. Путешественники разсказываютъ интересныя вещи про гориллъ, которыхъ имъ доводилось наблюдать въ естественныхъ условіяхъ ихъ жизни. Оказывается, гориллы также, какъ и наши поэты, подвержены меланхоліи. Вдругъ что то случается, волосатый пессимистъ перестаетъ играть и умираетъ отъ тоски. Такъ таки и умираетъ — недурно, Крафтъ?

Крафтъ. Мнѣ кажется, что тропическая тоска еще страшнѣе чѣмъ наша.

Керженцевъ. Вы помните, что онѣ никогда не смѣются? Собаки смѣются, а онѣ нѣтъ.

Крафтъ. Да.

Керженцевъ. А вы видали въ звѣринцахъ, какъ двѣ обезьянки, поигравъ, вдругъ затихаютъ и прижимаются другъ къ другу — какой у нихъ печальный, взыскующій и безнадежный видъ?

Крафтъ. Да. Но откуда у нихъ тоска?

Керженцевъ. Разгадайте! Но отойдемъ, не будемъ мѣшать его сну — отъ сна онъ незамѣтно идетъ къ смерти. Задергиваетъ пологъ. И уже теперь, когда онъ долго спитъ, въ немъ наблюдаются признаки трупнаго окоченѣнія. Садитесь, Крафтъ.

Оба садятся къ столу.

Керженцевъ. Будемъ играть въ шахматы?

Крафтъ. Нѣтъ, сегодня мнѣ не хочется. Вашъ Джайпуръ разстроилъ меня. Отравите его, Антонъ Игнатьичъ.

Керженцевъ. Незачѣмъ. Самъ умретъ. А вина, Крафтъ?

Звонитъ. Молчаніе. Входитъ слуга Василій.

Керженцевъ. Василій, скажи экономкѣ, чтобы дала бутылку Іоганисберга. Два стакана.

Василій выходитъ и вскорѣ возвращается съ виномъ.

Керженцевъ. Поставь. Пейте, пожалуйста, Крафтъ.

Крафтъ. А вы что думаете, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. О Джайпурѣ?

Крафтъ. Да, о его тоскѣ.

Керженцевъ. Много я думалъ, много . . . А какъ находите вино?

Крафтъ. Хорошее вино.

Керженцевъ разсматривая бокалъ на свѣтъ. А годъ узнать можете?

Крафтъ. Нѣтъ, куда ужъ. Я къ вину вообще равнорушенъ.

Керженцевъ. А это очень жаль, Крафтъ, очень жаль. Вино надо любить и знать, какъ все, что любишь. Васъ разстроилъ мой Джайпуръ — но вѣроятно онъ не

умиралъ бы отъ тоски, если бы умѣлъ пить вино. Впрочемъ надо пить вино двадцать тысячъ лѣтъ, чтобы умѣть это дѣлать.

Крафтъ. Разскажите мнѣ о Джайпурѣ.

Садится глубже въ кресло и опирается головой на руку.

Керженцевъ. Здѣсь произошла катастрофа, Крафтъ.

Крафтъ. Да?

Керженцевъ. Да, какая то катастрофа. Откуда эта тоска у обезьянъ, эта непонятная и страшная меланхолія, отъ которой онѣ сходятъ съ ума и умираютъ въ отчаяніи?

Крафтъ. Сходятъ съ ума?

Керженцевъ. Вѣроятно. Никто въ животномъ мірѣ, кромѣ человѣкоподобныхъ обезьянъ не знаетъ этой меланхоліи . . .

Крафтъ. Собаки часто воютъ.

Керженцевъ. Это другое, Крафтъ, это страхъ передъ невѣдомымъ міромъ, это ужасъ! Теперь всмотритесь въ е г о глаза, когда онъ тоскуетъ: это почти наши человѣческіе глаза. Всмотритесь въ его общую человѣкоподобность . . . мой Джайпуръ часто сидѣлъ, задумавшись, почти такъ, какъ вы сейчасъ . . . и поймите, откуда эта меланхолія? Да, я часами сидѣлъ передъ клѣткой, я всматривался въ его тоскующіе глаза, я самъ искалъ отвѣта въ его трагическомъ молчаніи — и вотъ мнѣ показалось однажды: онъ тоскуетъ, онъ грезитъ смутно о томъ времени, когда онъ также былъ человѣкомъ, царемъ, какой то высшей формой. Понимаете, Крафтъ: былъ!

Керженцевъ поднимаетъ палецъ.

Крафтъ. Допустимъ.

Керженцевъ. Допустимъ. Но вотъ я смотрю дальше, Крафтъ, я смотрю глубже въ его тоску, я уже не часами, я днями сижу передъ его безмолвными глазами — и вотъ я вижу: или онъ уже былъ царемъ — или же . . . слушайте, Крафтъ! или же онъ могъ имъ стать, но что то

помѣшало. Онъ не вспоминаетъ о прошломъ, нѣтъ, — онъ тоскуетъ и безнадежно мечтаетъ о будущемъ, которое у него отняли. Онъ весь — стремленіе къ высшей формѣ, онъ весь — тоска о высшей формѣ, ибо передъ нимъ . . . передъ нимъ, Крафтъ — стѣна!

Крафтъ. Да, это тоска.

Керженцевъ. Это тоска, вы понимаете, Крафтъ? Онъ шолъ, но какая то стѣна преградила его путь. Понимаете? Онъ шолъ, но какая то катастрофа разразилась надъ его головой — и онъ остановился. А можетъ быть, катастрофа даже отбросила его назадъ, — но онъ остановился. Стѣна, Крафтъ, катастрофа! Его мозгъ остановился, Крафтъ — и съ нимъ остановилось все! Все!

Крафтъ. Вы опять возвращаетесь къ вашей мысли.

Керженцевъ. Да. Есть что то ужасное въ прошломъ моего Джайпура, въ тѣхъ мрачныхъ глубинахъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, но онъ не можетъ разсказать. Онъ самъ не знаетъ! Онъ — только умираетъ отъ невыносимой тоски. Мысль! — да, конечно, мысль!

Керженцевъ встаетъ и ходитъ по кабинету.

Керженцевъ. Да. Та мысль, силу которой мы съ вами знаемъ, Крафтъ, вдругъ измѣнила ему, вдругъ остановилась и стала. Это ужасно! Это ужасная катастрофа, страшнѣе потопа! И онъ покрылся волосами снова, онъ снова сталъ на четвереньки, онъ пересталъ смѣяться — онъ долженъ умереть отъ тоски. Онъ развѣнчанный царь, Крафтъ! Онъ экс-король земли! Отъ его царствъ осталось нѣсколько камней, а гдѣ владыка, — гдѣ жрецъ, — гдѣ царь? Царь бродитъ по лѣсамъ и — умираетъ отъ тоски. Недурно, Крафтъ.

Молчаніе. Крафтъ въ той же позѣ, неподвиженъ. Керженцевъ ходитъ по комнатѣ.

Керженцевъ. Когда я изслѣдовалъ мозгъ покойнаго Игнатія, не моего отца, а этого . . . Смѣется. Этотъ также былъ Игнатіемъ.

Крафтъ. Почему вы второй разъ смѣетесь, говоря объ отцѣ?

Керженцевъ. Потому, что я не уважалъ его, Крафтъ.

Молчаніе.

Крафтъ. Что же вы нашли, когда открыли черепъ Игнатія?

Керженцевъ. Да, я не уважалъ моего отца. Послушайте, Крафтъ, — мой Джайпуръ скоро умретъ: хотите, вмѣстѣ изслѣдуемъ его мозгъ? Это будетъ интересно.

Садится.

Крафтъ. Хорошо. А когда я умру — вы посмотрите мой мозгъ.

Керженцевъ. Если вы мнѣ его завѣщаете, — съ удовольствіемъ, то есть съ готовностью, хотѣлъ я сказать. Вы послѣднее время не нравитесь мнѣ, Крафтъ. Вы вѣроятно пьете мало вина. Вы начинаете тосковать, какъ Джайпуръ. Пейте.

Крафтъ. Не хочется. Вы всегда одинъ, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ рѣзко. Мнѣ никого не надо.

Крафтъ. Мнѣ сегодня почему то кажется, что вы очень несчастный человѣкъ, Антонъ Игнатьевичъ!

Молчаніе. Крафтъ вздыхаетъ и мѣняетъ позу.

Керженцевъ. Послушайте, Крафтъ, я не просилъ васъ говорить о моей личной жизни. Вы мнѣ пріятны, такъ какъ вы умѣете думать и васъ волнуютъ тѣ же вопросы, что и меня, мнѣ пріятны наши бесѣды и занятія, но мы не друзья, Крафтъ, я прошу васъ это запомнить! У меня нѣтъ друзей и я ихъ не хочу.

Молчаніе. Керженцевъ подходитъ къ углу, гдѣ клѣтка, отдергиваетъ пологъ и слушаетъ: тамъ тихо, — и снова возвращается на свое мѣсто.

Керженцевъ. Спитъ. — Впрочемъ могу вамъ сказать, Крафтъ, что я чувствую себя счастливымъ. Да, счастливымъ! У меня есть мысль, Крафтъ, у меня есть — вотъ это!

Нѣсколько сердито постукиваетъ пальцами по своему лбу.

Керженцевъ. Мнѣ никого не надо.

Молчаніе. Крафтъ неохотно пьетъ вино.

Керженцевъ. Пейте, пейте. А вы знаете, Крафтъ — вы скоро услышите обо мнѣ . . . да, черезъ мѣсяцъ, полтора.

Крафтъ. Вы выпускаете книгу?

Керженцевъ. Книгу? Нѣтъ, что за вздоръ! Я никакой книги выпускать не хочу, я работаю для себя. Мнѣ люди не нужны — я кажется уже третій разъ говорю вамъ это, Крафтъ? Довольно о людяхъ. — Нѣтъ, это будетъ . . . нѣкоторый опытъ. Да, интересный опытъ!

Крафтъ. Вы не скажете мнѣ, въ чемъ дѣло?

Керженцевъ. Нѣтъ. Я вѣрю въ вашу скромность, иначе и этого я не сказалъ бы вамъ, — но нѣтъ. Вы услышите. Мнѣ захотѣлось . . . у меня такъ сложилось . . . однимъ словомъ, я хочу узнать крѣпость своей мысли, измѣрить ея силу. Понимаете, Крафтъ: лошадь узнаешь только тогда, когда проѣдешь на ней! Смѣется.

Крафтъ. Это опасно?

Молчаніе. Керженцевъ задумался.

Крафтъ. Антонъ Игнатьичъ, этотъ вашъ опытъ — опасенъ? Я слышу это по вашему смѣху: у васъ нехорошій смѣхъ.

Керженцевъ. Крафтъ! . .

Крафтъ. Я слушаю.

Керженцевъ. Крафтъ! Скажите мнѣ, вы серіозный молодой человѣкъ: вы осмѣлились бы на мѣсяцъ, на два притвориться сумасшедшимъ? Постойте: не надѣть маску дешеваго симулянта — понимаете, Крафтъ? — а вызвать заклинаніемъ самого Духа Безумія. Вы видите его: вмѣсто короны — солома въ сѣдыхъ волосахъ, и мантія его растерзана — вы видите, Крафтъ?

Крафтъ. Вижу. Нѣтъ, я не сталъ бы. — Антонъ Игнатьичъ, это и есть вашъ опытъ?

Керженцевъ. Можетъ быть. Но — оставимъ, Крафтъ, оставимъ. Вы дѣйствительно серіозный молодой человѣкъ. — Хотите еще вина?

Крафтъ. Нѣтъ, спасибо.

Керженцевъ. Милый Крафтъ, съ каждымъ разомъ, какъ я васъ вижу, вы все блѣднѣе. Вы куда то исчезали. Или вы нездоровы, что съ вами?

Крафтъ. Это личное, Антонъ Игнатьичъ. Мнѣ также не хотѣлось бы говорить о личномъ.

Керженцевъ. Вы правы, извините.

Молчаніе.

Керженцевъ. Вы знаете Савелова Алексѣя?

Крафтъ равнодушно. Я знакомъ не со всѣми его вещами, но онъ мнѣ нравится, онъ талантливъ. Я еще не читалъ его послѣдняго разсказа, но хвалятъ . . .

Керженцевъ. Вздоръ!

Крафтъ. Я слыхалъ, что онъ . . . вашъ другъ?

Керженцевъ. Вздоръ! Но пусть другъ, пусть другъ. Нѣтъ, что вы городите, Крафтъ: Савеловъ талантливъ! Таланты нужно хранить, таланты надо беречь, какъ зѣницу ока, и если бы онъ былъ талантливъ! . .

Крафтъ. То что?

Керженцевъ. Ничего! Онъ не алмазъ — онъ только алмазная пыль. Онъ — гранильщикъ въ литературѣ! У генія и крупнаго таланта всегда острые углы и Савеловская алмазная пыль нужна только для граненія: блестятъ другіе, пока онъ работаетъ. Но . . . оставимъ всѣхъ Савеловыхъ въ покоѣ, это не интересно.

Крафтъ. Мнѣ также.

Молчаніе.

Крафтъ. Антонъ Игнатьичъ, — вы не можете разбудить вашего Джайпура? Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть на него, въ его глаза. Разбудите.

Керженцевъ. Вамъ хочется, Крафтъ? Хорошо, я разбужу его . . . если только онъ уже не умеръ. Пойдемте.

Оба подходятъ къ клѣткѣ, Керженцевъ отдергиваетъ пологъ.

Крафтъ. Онъ спитъ?

Керженцевъ. Да, онъ дышитъ. Я его бужу, Крафтъ! . .

Занавѣсъ.

Вторая картина.

Кабинетъ писателя Алексѣя Константиновича Савелова. Вечеръ. Тишина. За письменнымъ столомъ своимъ пишетъ Савеловъ; въ сторонѣ, за небольшимъ столикомъ, пишетъ дѣловыя письма жена Савелова, Татьяна Николаевна.

Савеловъ внезапно. Таня, дѣти спятъ?

Татьяна Николаевна. Дѣти?

Савеловъ. Да.

Татьяна Николаевна. Дѣти спятъ. Уже ложились, когда я ушла изъ дѣтской. А что?

Савеловъ. Такъ. Не мѣшай.

Снова тишина. Оба пишутъ. Савеловъ хмуро морщится, кладетъ перо и два раза проходитъ по кабинету. Заглядываетъ черезъ плечо Татьяны Николаевны на ея работу.

Савеловъ. Ты что дѣлаешь?

Татьяна Николаевна. Я пишу письмо относительно той рукописи, надо же отвѣтить, Алеша, неловко.

Савеловъ. Таня, пойди сыграй мнѣ. Мнѣ надо. Сейчасъ ничего не говори — мнѣ надо. Иди.

Татьяна Николаевна. Хорошо. А что сыграть?

Савеловъ. Не знаю. Выбери сама. Иди.

Татьяна Николаевна выходитъ въ сосѣднюю комнату, оставляя дверь открытой. Тамъ вспыхиваетъ свѣтъ. Татьяна Николаевна играетъ на рояли. Савеловъ проходитъ по комнатѣ, садится и слушаетъ. Куритъ. Кладетъ папиросу, подходитъ къ двери и издали кричитъ.

Савеловъ. Довольно, Таня. Не надо. Иди сюда! Таня, ты слышишь? . .

Молча расхаживаетъ. Входитъ Татьяна Николаевна и внимательно смотритъ на мужа.

Татьяна Николаевна. Ты что? Алеша — тебѣ опять не работается?

Савеловъ. Опять.

Татьяна Николаевна. Отчего?

Савеловъ. Не знаю.

Татьяна Николаевна. Ты усталъ?

Савеловъ. Нѣтъ.

Молчаніе.

Татьяна Николаевна. Мнѣ можно продолжать письма, или оставить?

Савеловъ. Нѣтъ, оставь! Лучше поговори со мной... но можетъ быть, тебѣ не хочется говорить со мной?

Татьяна Николаевна улыбается. Ну какія глупости, Алеша, какъ тебѣ не стыдно . . . смѣшной! Пусть останется, я потомъ допишу, не важно.

Собираетъ письма, Савеловъ ходитъ.

Савеловъ. Мнѣ сегодня совсѣмъ не пишется. И вчера тоже. Понимаешь, я не то, чтобы усталъ, какой чортъ! — а хочется чего то другого. Чего то другого. Чего то совсѣмъ другого!

Татьяна Николаевна. Пойдемъ въ театръ.

Савеловъ останавливаясь. Въ какой? — Нѣтъ, ну его къ чорту!

Татьяна Николаевна. Да, пожалуй, и поздно уже.

Савеловъ. Ну его къ чорту! Ни малѣйшаго желанія нѣтъ идти въ театръ. Жалко, что дѣти спятъ . . . нѣтъ, впрочемъ, не хочу и дѣтей. И музыки не хочу — только душу тянетъ, отъ нея еще хуже. Чего я хочу, Таня?

Татьяна Николаевна. Не знаю, голубчикъ.

Савеловъ. И я не знаю. Нѣтъ, я догадываюсь, чего мнѣ хочется. Садись и слушай, — ну? Мнѣ надо не писать, — понимаешь, Таньхенъ? — а самому что то дѣлать, двигаться, махать руками, совершать какія то дѣйствія. Дѣйствовать! Въ концѣ концовъ это просто невыносимо: быть только зеркаломъ, висѣть на стѣнѣ своего кабинета и только отражать! . . Постой: а это недурно бы написать печальную, очень печальную ска-

вочку о зеркалѣ, которое сто лѣтъ отражало убійцъ, красавицъ, королей, уродовъ — и такъ стосковалось о настоящей жизни, что сорвалось съ крюка и . . .

Татьяна Николаевна. И что?

Савеловъ. Ну и разбилось, конечно, что же еще! Нѣтъ, надоѣло, опять выдумка, беллетристика, гонораръ. Нашъ извѣстный Савеловъ написалъ . . . къ чорту окончательно!

Татьяна Николаевна. А я тему все таки запишу.

Савеловъ. Записывай, если тебѣ хочется. Нѣтъ, ты только подумай, Таньхенъ: за шесть лѣтъ я ни разу не измѣнилъ тебѣ! Ни разу!

Татьяна Николаевна. А Наденька Скворцова?

Савеловъ. Оставь! Нѣтъ, я серіозно говорю, Таня: это невозможно, я начинаю ненавидѣть себя. Трижды проклятое зеркало, которое виситъ неподвижно и можетъ отражать только то, что само захочетъ отразиться и проходитъ мимо. За спиной у зеркала могутъ совершаться изумительныя вещи, а оно отражаетъ въ это время какого то идіота, болвана, которому захотѣлось поправить галстухъ!

Татьяна Николаевна. Это невѣрно, Алеша.

Савеловъ. Ты рѣшительно ничего не понимаешь, Татьяна! Я ненавижу себя — понимаешь это? Нѣтъ? Я ненавижу тотъ мірокъ, который живетъ во мнѣ, вотъ тутъ, въ головѣ — міръ моихъ образовъ, моего опыта, моихъ чувствъ. Къ чорту! Мнѣ опротивѣло то, что у меня передъ глазами, я хочу того, что у меня за спиной . . . что тамъ? Цѣлый огромный міръ живетъ гдѣ то за моею спиной, — и я же чувствую, какъ онъ прекрасенъ, а головы повернуть не могу. Не могу! Къ чорту. — Скоро я совсѣмъ брошу писать!

Татьяна Николаевна. Это пройдетъ, Алеша.

Савеловъ. И очень жаль будетъ, если пройдетъ. — Ахъ, Господи, хоть бы кто нибудь зашолъ и разсказалъ — о той жизни разсказалъ!

Татьяна Николаевна. Можно позвать кого нибудь . . . Алеша, хочешь я позвоню Федоровичу?

Савеловъ. Федоровичу? Чтобы снова весь вечеръ говорить о литературѣ? Къ чорту!

Татьяна Николаевна. Но кого же? Я не знаю, кого можно позвать, кто подошолъ бы къ твоему настроенію. Сигизмундъ?

Савеловъ. Нѣтъ! И я никого не знаю, кто подошолъ бы. Кто?

Оба думаютъ.

Татьяна Николаевна. А если Керженцеву?

Савеловъ. Антону?

Татьяна Николаевна. Да, Антону Игнатьевичу. Если позвонить, онъ сейчасъ пріѣдетъ, по вечерамъ онъ всегда дома. Если не захочется говорить, то поиграй съ нимъ въ шахматы.

Савеловъ останавливается и сердито смотритъ на жену. Съ Керженцевымъ въ шахматы я не стану играть, какъ ты этого не понимаешь? Прошлый разъ онъ съ трехъ ходовъ зарѣзалъ меня . . . что же мнѣ интереснаго играть съ такимъ . . . Чигоринымъ! И я все таки понимаю, что это только игра, а онъ серіозенъ, какъ идолъ, и когда я проигрываю, считаетъ меня осломъ. Нѣтъ, не надо Керженцева!

Татьяна Николаевна. Ну поговоришь, вы съ нимъ друзья.

Савеловъ. Говори съ нимъ сама, ты съ нимъ любишь говорить, а я не хочу. Во первыхъ говорить буду только я, а онъ будетъ молчать — мало ли люди молчатъ, но онъ молчитъ ужасно противно! И потомъ онъ просто надоѣлъ мнѣ съ своими дохлыми обезьянами, своей божественной мыслью — и лакеемъ Васькой, на котораго онъ кричитъ, какъ буржуй. Экспериментаторъ! У человѣка такой великолѣпный лобъ, за который за одинъ можно поставить памятникъ — а что онъ сдѣлалъ? Ничего. Хоть бы

орѣхи билъ своимъ лбомъ — все таки работа. — Фухъ ты, усталъ бѣгать.

Садится.

Татьяна Николаевна. Да . . . Мнѣ, Алеша, одно не нравится: у него появилось что то угрюмое въ глазахъ. Повидимому, онъ дѣйствительно боленъ: этотъ его психозъ, о которомъ говорилъ Карасевъ . . .

Савеловъ. Оставь! Не вѣрю я въ его психозъ. Притворяется, дурака ломаетъ.

Татьяна Николаевна. Ну ты ужъ слишкомъ, Алеша.

Савеловъ. Нѣтъ, не слишкомъ. Я, голубчикъ, Антона съ гимназіи знаю, два года мы были съ нимъ влюбленнѣйшими друзьями — и это пренелѣпѣйшій человѣкъ! Я ему ни въ чемъ не вѣрю. Нѣтъ не хочу о немъ говорить. Надоѣлъ! Танечка, я куда нибудь пойду.

Татьяна Николаевна. Со мною?

Савеловъ. Нѣтъ, я одинъ хочу. Танечка, можно?

Татьяна Николаевна. Иди, конечно. Но только куда же ты пойдешь — къ кому нибудь?

Савеловъ. Можетъ зайду къ кому нибудь . . . Нѣтъ, мнѣ такъ хочется пошататься по улицамъ, среди народа. Потолкаться локтями, посмотрѣть какъ смѣются, какъ скалятъ зубы . . . Прошлый разъ на бульварѣ били кого то и я, честное слово, Танечка, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на скандалъ. Можетъ быть въ ресторанчикъ зайду.

Татьяна Николаевна. Охъ, Алеша, миленькій, боюсь я этого, не надо, дорогой. Опять много выпьешь и будешь нездоровъ — не надо!

Савеловъ. Да нѣтъ же, ну что ты, Таня! Да, я и забылъ тебѣ сказать: я сегодня шолъ за генераломъ. Хоронили какого то генерала и играла военная музыка — понимаешь? Это не румынская скрипка, которая выматываетъ душу: тутъ идешь твердо, въ ногу — дѣло чувствуется. Я люблю духовые инструменты. Въ мѣдныхъ

трубахъ, когда онѣ плачутъ и кричатъ, въ барабанной дроби съ ея жестокимъ, твердымъ, отчетливымъ ритмомъ... Что вамъ?

Вошла горничная Саша.

Татьяна Николаевна. Отчего вы не стучитесь, Саша? Вы ко мнѣ?

Саша. Нѣтъ. Антонъ Игнатьичъ пришли и спрашиваютъ, къ вамъ можно или нѣтъ. Они уже раздѣлись.

Савеловъ. Ну, конечно, зовите. Скажите, чтобы прямо сюда шолъ.

Горничная выходитъ.

Татьяна Николаевна улыбается. Легокъ на поминѣ.

Савеловъ. А чортъ!.. Задержитъ онъ меня, ей Богу! Танечка, ты побудь пожалуйста съ Керженцевымъ, а я пойду, я не могу!

Татьяна Николаевна. Да конечно, иди! Вѣдь онъ же свой человѣкъ, какія тутъ могутъ быть стѣснѣнія... миленькій, ты совсѣмъ разстроился!

Савеловъ. Ну, ну! Сейчасъ человѣкъ войдетъ, а ты цѣлуешь.

Татьяна Николаевна. Успѣю!

Входитъ Керженцевъ. Здоровается. Татьянѣ Николаевнѣ гость цѣлуетъ руку.

Савеловъ. Ты какими судьбами, Антоша? А я, братъ, ухожу.

Керженцевъ. Что жъ, идите и я съ вами выйду. Вы также идете, Татьяна Николаевна?

Савеловъ. Нѣтъ, она останется, посиди. Что это про тебя Карасевъ говорилъ: ты не совсѣмъ здоровъ?

Керженцевъ. Пустяки. Нѣкоторое ослабленіе памяти, вѣроятно случайность, переутомленіе. Такъ и психіатръ сказалъ. А что — уже говорятъ?

Савеловъ. Говорятъ, братъ, говорятъ! Что улыбаешься, доволенъ? Я тебѣ говорю, Таня, что это какая то штука . . . не вѣрю я тебѣ, Антоша!

Керженцевъ. Въ чемъ же ты мнѣ не вѣришь, Алексѣй?

Савеловъ рѣзко. Во всемъ.

Молчаніе. Савеловъ сердито ходитъ.

Татьяна Николаевна. А какъ поживаетъ вашъ Джайпуръ, Антонъ Игнатьевичъ?

Керженцевъ. Онъ умеръ.

Татьяна Николаевна. Да? Какъ жаль.

Савеловъ презрительно фыркаетъ.

Керженцевъ. Да, умеръ. Вчера. Ты, Алексѣй, иди лучше, а то ты уже начинаешь ненавидѣть меня. Я тебя не задерживаю.

Савеловъ. Да, я пойду. Ты, Антоша, не сердись, я сегодня золъ и на всѣхъ кидаюсь, какъ собака. Не сердись, голубчикъ, она тебѣ все разскажетъ. У тебя Джайпуръ умеръ, а я, братъ, сегодня генерала хоронилъ: три улицы промаршировалъ.

Керженцевъ. Какого генерала?

Татьяна Николаевна. Онъ шутитъ, онъ за музыкой шолъ.

Савеловъ. Шутки шутками, а ты все таки поменьше возись съ обезьяной, Антонъ, — когда нибудь и серіозно сбрендишь. Экспериментаторъ ты, Антоша, жестокій экспериментаторъ!

Керженцевъ не отвѣчаетъ.

Керженцевъ. Дѣти здоровы, Татьяна Николаевна?

Татьяна Николаевна. Слава Богу, здоровы. А что?

Керженцевъ. Скарлатина гуляетъ, надо поберегать.

Татьяна Николаевна. О, Господи!

Савеловъ. Ну теперь заахала! До свиданія, Антонъ, не сердись, что ухожу . . . Можетъ я еще застану тебя. Я скоро, голубчикъ.

Татьяна Николаевна. Я немного провожу тебя, Алеша, мнѣ два слова . . . Я сейчасъ, Антонъ Игнатьевичъ.

Керженцевъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

Савеловъ и жена выходятъ. Керженцевъ прохаживается по комнатѣ. Беретъ съ письменнаго стола Савелова тяжелое пресспапье и взвѣшиваетъ на рукѣ: такъ застаетъ его Татьяна Николаевна.

Татьяна Николаевна. Ушолъ. Что это вы смотрите, Антонъ Игнатьевичъ?

Керженцевъ спокойно кладя пресс-папье. Тяжелая вещь, можно убить человѣка, если ударить по головѣ. Куда пошолъ Алексѣй?

Татьяна Николаевна. Такъ, пройтись. Онъ скучаетъ. — Садитесь, Антонъ Игнатьичъ, я очень рада, что вы заглянули, наконецъ.

Керженцевъ. Скучаетъ? Давно ли это?

Татьяна Николаевна. У него это бываетъ. Вдругъ броситъ работу и начинаетъ разыскивать какую то настоящую жизнь. Теперь онъ пошолъ шататься по улицамъ и навѣрное ввяжется въ какую нибудь исторію. Мнѣ печально то, Антонъ Игнатьевичъ, что видимо я чего то ему не даю, какихъ то необходимыхъ переживаній, наша съ нимъ жизнь слишкомъ спокойна . . .

Керженцевъ. И счастлива?

Татьяна Николаевна. А что такое счастье?

Керженцевъ. Да, этого никто не знаетъ. — Вамъ очень нравится послѣдняя повѣсть Алексѣя?

Татьяна Николаевна. Очень. А вамъ?

Керженцевъ молчитъ.

Татьяна Николаевна. Я нахожу, что талантъ его растетъ съ каждымъ днемъ. Это вовсе не значитъ, что я говорю, какъ его жена, я вообще достаточно безпристрастна. Но это находитъ и критика . . . а вы?

Керженцевъ молчитъ.

Татьяна Николаевна волнуясь. А вы, Антонъ Игнатьичъ, внимательно прочли книгу или только перелистали?

Керженцевъ. Очень внимательно.

Татьяна Николаевна. Ну и что же?

Керженцевъ молчитъ. Татьяна Николаевна взглядываетъ на него и молча начинаетъ убирать со стола бумаги.

Керженцевъ. Вамъ не нравится что я молчу?

Татьяна Николаевна. Мнѣ не нравится другое.

Керженцевъ. Что?

Татьяна Николаевна. Сегодня вы бросили одинъ очень странный взглядъ на Алексѣя, на мужа. Мнѣ не нравится, Антонъ Игнатьичъ, что за шесть лѣтъ . . . вы не могли простить ни мнѣ, ни Алексѣю. Вы всегда были такъ сдержанны, что это мнѣ и въ голову не приходило, но сегодня . . . Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ, Антонъ Игнатьичъ!

Керженцевъ встаетъ и становится спиной къ печкѣ. Смотритъ сверху внизъ на Татьяну Николаевну.

Керженцевъ. Зачѣмъ же мѣнять, Татьяна Николаевна? Онъ мнѣ кажется интереснымъ. Если я сегодня впервые за шесть лѣтъ проявилъ что то — хотя я не знаю что — то и вы сегодня въ первый разъ заговорили о прошломъ. Это интересно. Да, шесть лѣтъ тому назадъ, а вѣрнѣе семь съ половиной — ослабленіе моей памяти не коснулось этихъ датъ — я предложилъ вамъ руку и сердце и вы изволили отвергнуть и то и другое. Вы помните, что это было на Николаевскомъ вокзалѣ и что стрѣлка на станціонныхъ часахъ показывала въ эту минуту ровно шесть: дискъ дѣлился пополамъ одною черною чертою?

Татьяна Николаевна. Я этого не помню.

Керженцевъ. Нѣтъ, это вѣрно, Татьяна Николаевна. И помните, что вы тогда еще пожалѣли меня? — этого вы не можете забыть.

Татьяна Николаевна. Да, это я помню, но что я могла сдѣлать другое? Въ моей жалости не было ничего оскорбительнаго для васъ, Антонъ Игнатьичъ. И я просто не могу понять, зачѣмъ мы это говоримъ — что это, объ-

ясненіе? Я, къ счастью, совершенно увѣрена, что вы не только не любите меня . . .

Керженцевъ. Это неосторожно, Татьяна Николаевна! А вдругъ я скажу, что и до сихъ поръ — я люблю васъ, что я не женюсь, веду такую странную замкнутую жизнь только потому, что — люблю васъ?

Татьяна Николаевна. Вы этого не скажете!

Керженцевъ. Да, я этого не скажу.

Татьяна Николаевна. Послушайте, Антонъ Игнатьичъ: я очень люблю говорить съ вами . . .

Керженцевъ. Говорить со мной, а — спать съ Алексѣемъ?

Татьяна Николаевна встаетъ, возмущенно. Нѣтъ, что съ вами? Это же грубо! Это . . . невозможно! Я не понимаю. И можетъ быть, вы дѣйствительно больны? Этотъ вашъ психозъ, о которомъ я слыхала . . .

Керженцевъ. Что жъ, допустимъ. Пусть это будетъ тотъ самый психозъ, о которомъ вы слыхали — если иначе нельзя говорить. Но неужели вы боитесь словъ, Татьяна Николаевна?

Татьяна Николаевна. Я ничего не боюсь, Антонъ Игнатьичъ. Садится. Но я все должна буду разсказать Алексѣю.

Керженцевъ. А вы увѣрены, что вы съумѣете разсказать и онъ съумѣетъ что нибудь понять?

Татьяна Николаевна. Алексѣй не съумѣетъ понять? . . Нѣтъ, вы шутите, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. Что жъ, можно допустить и это. Вамъ конечно Алексѣй говорилъ, что я . . . какъ бы вамъ это сказать . . . большой мистификаторъ? (Люблю опыты и — шутки.) Когда то, въ дни молодости, конечно, я нарочно добивался дружбы у кого нибудь изъ товарищей, а когда онъ выбалтывался весь, я уходилъ отъ него съ улыбкой. Съ легкой улыбкой впрочемъ: я слишкомъ уважаю свое одиночество, чтобы нарушать его смѣхомъ.

Вотъ и теперь я шучу и пока вы волнуетесь, я можетъ быть, спокойно и съ улыбкой разсматриваю васъ . . . съ легкой улыбкой впрочемъ.

Татьяна Николаевна. Но вамъ понятно, Антонъ Игнатьичъ, что такого отношенія къ себѣ я допустить не могу? — Плохія шутки, отъ которыхъ никому не хочется смѣяться.

Керженцевъ смѣется. Развѣ? А мнѣ казалось, что я уже смѣялся. Это вы серіозничаете, Татьяна Николаевна, а не я. Засмѣйтесь!

Татьяна Николаевна насильственно смѣется. Но можетъ быть это также только опытъ?

Керженцевъ серіозно. Вы правы: я хотѣлъ слышать вашъ смѣхъ. Первое, что я въ васъ полюбилъ — былъ именно вашъ смѣхъ.

Татьяна Николаевна. Я больше не стану смѣяться.

Молчаніе. Керженцевъ улыбается.

Керженцевъ. Вы очень несправедливы сегодня, Татьяна Николаевна, да: Алексѣю вы отдаете все, а у меня хотѣли бы отнять послѣднія крохи. Только потому, что я люблю вашъ смѣхъ и нахожу въ немъ ту красоту, которой быть можетъ не видятъ другіе, вы уже не хотите смѣяться!

Татьяна Николаевна. Всѣ женщины несправедливы.

Керженцевъ. Зачѣмъ такъ плохо о женщинахъ? И если я сегодня шучу, то вы шутите еще больше: вы притворяетесь маленькой трусливой мѣщаночкой, которая съ яростью и . . . отчаяніемъ защищаетъ свое маленькое гнѣздо, свой птичникъ. Развѣ я такъ похожъ на коршуна?

Татьяна Николаевна. Съ вами трудно спорить . . . говорите.

Керженцевъ. Но вѣдь это же правда, Татьяна Николаевна! Вы умнѣе вашего мужа, а моего друга, я

также умнѣе его, и поэтому вы всегда такъ любили говорить со мной . . . вашъ гнѣвъ и сей часъ не лишонъ нѣкоторой пріятности. Разрѣшите же мнѣ быть — въ странномъ настроеніи. Сегодня я слишкомъ долго копался въ мозгу моего Джайпура — онъ умеръ отъ тоски, — и у меня странное, очень странное и . . . шутливое настроеніе!

Татьяна Николаевна. Я это замѣтила, Антонъ Игнатьичъ. Нѣтъ, серіозно, мнѣ искренне жаль вашего Джайпура: у него было такое . . . улыбается . . . интеллигентное лицо. Но чего же вы хотите?

Керженцевъ. Сочинять. Выдумывать.

Татьяна Николаевна. Господи, какія мы, женщины, несчастныя, вѣчныя жертвы вашихъ геніальныхъ капризовъ: Алексѣй убѣжалъ, чтобы не сочинять, и я должна была придумывать ему утѣшенія, а вы . . . Смѣется. Сочиняйте!

Керженцевъ. Вотъ вы и засмѣялись!

Татьяна Николаевна. Да ужъ Богъ съ вами. Сочиняйте, но только пожалуйста не о любви!

Керженцевъ. Иначе нельзя. Мой разсказъ начинается съ любви.

Татьяна Николаевна. Ну, какъ хотите. Постойте, я сяду поудобнѣе. Садится на диванъ съ ногами и оправляетъ юбку. Теперь я слушаю.

Керженцевъ. Такъ вотъ допустимъ, Татьяна Николаевна, что я, докторъ Керженцевъ . . . какъ неопытные сочинители, я буду отъ перваго лица, можно? . . такъ вотъ допустимъ, что я люблю васъ — можно? — и что я сталъ нестерпимо раздражаться, глядя на васъ съ талантливымъ Алексѣемъ. Моя жизнь, благодаря вамъ, расклеилась, а вы нестерпимо счастливы, вы великолѣпны, васъ одобряетъ сама критика, вы молоды и прекрасны . . . кстати, вы очень красиво причесываетесь теперь, Татьяна Николаевна!

Татьяна Николаевна. Да? Такъ нравится Алексѣю. Я слушаю.

Керженцевъ. Вы слушаете? Прекрасно. Такъ вотъ . . . вы знаете, что такое одиночество съ его мыслями? Допустимъ, что вы это знаете. Такъ вотъ однажды — сидя одинъ за своимъ столомъ . . .

Татьяна Николаевна. У васъ великолѣпный столъ, я мечтаю о такомъ для Алеши. Простите . . .

Керженцевъ. . . . и раздражаясь все болѣе и болѣе — думая о многомъ — я рѣшилъ совершить ужасное злодѣйство: прійти къ вамъ въ домъ, такъ таки просто прійти къ вамъ въ домъ и . . . убить талантливаго Алексѣя!

Татьяна Николаевна. Что? Что вы говорите! Какъ вамъ не стыдно!

Керженцевъ. Это же слова!

Татьяна Николаевна. Непріятныя слова!

Керженцевъ. Вы боитесь?

Татьяна Николаевна. Опять боитесь? Нѣтъ, я ничего не боюсь, Антонъ Игнатьичъ. Но я требую, то есть я хочу, чтобы . . . разсказъ былъ въ предѣлахъ . . . художественной правды. Встаетъ и ходитъ. Я избалована, голубчикъ, талантливыми разсказами и бульварный романъ съ его ужасными злодѣями . . . вы не сердитесь?

Керженцевъ. Первый опытъ!

Татьяна Николаевна. Да, первый опытъ, и это видно. Какъ же вы, вашъ герой хочетъ осуществить свой страшный замыселъ? Вѣдь конечно, онъ умный злодѣй, который себя любитъ, и ему вовсе не хочется мѣнять свою... удобную жизнь на каторгу и кандалы?

Керженцевъ. Несомнѣнно! И я . . . то есть мой герой для этой цѣли притворяется сумасшедшимъ.

Татьяна Николаевна. Что?

Керженцевъ. Вы не понимаете? Убьетъ, а потомъ выздоровѣетъ и вернется къ своей . . . удобной жизни. — Ну какъ, дорогой критикъ?

Татьяна Николаевна. Какъ? Плохо до того, что . . . стыдно! Онъ хочетъ убить, онъ притворяется и онъ же разсказываетъ — и кому? Женѣ! Плохо, неестественно, Антонъ Игнатьичъ!

Керженцевъ. А игра? Прекрасный критикъ мой — а игра? Или вы не видите, какія бѣшеныя сокровища бѣшеной игры сокрыты здѣсь: самой женѣ говорить о томъ, что я хочу убить ея мужа, смотрѣть ей въ глаза, улыбаться тихонько и говорить: а я хочу убить вашего мужа! И говоря это, знать, что она не повѣритъ . . . или повѣритъ? И что когда она станетъ разсказывать объ этомъ другимъ, ей также никто не повѣритъ! Она будетъ плакать . . . или не будетъ? — а ей не повѣрятъ!

Татьяна Николаевна. А вдругъ повѣрятъ?

Керженцевъ. Что вы: вѣдь только сумасшедшіе разсказываютъ такія вещи . . . и слушаютъ! Но какая игра — нѣтъ, вы подумайте серіозно, какая бѣшеная, острая, божественная игра! Конечно для слабой головы это опасно, легко можно перейти грань и назадъ ужъ не вернуться — но для сильнаго и свободнаго ума? Послушайте, зачѣмъ писать разсказы, когда ихъ можно дѣлать! А — неправда ли? Зачѣмъ писать? Какой просторъ для творческой, безстрашной, воистину творческой мысли!

Татьяна Николаевна. Вашъ герой докторъ?

Керженцевъ. Герой — это я.

Татьяна Николаевна. Ну все равно, вы. Онъ можетъ незамѣтно отравить или привить какую нидудь болѣзнь . . . почему онъ такъ не хочетъ?

Керженцевъ. Но если я незамѣтно отравлю, то какъ же вы будете знать, что это сдѣлалъ — я?

Татьяна Николаевна. Но зачѣмъ же я должна знать это?

Керженцевъ молчитъ.

Татьяна Николаевна слегка топаетъ ногой. Зачѣмъ я должна это знать? Что вы говорите!

Керженцевъ молчитъ. Татьяна Николаевна отходитъ, потираетъ пальцами виски.

Керженцевъ. Вамъ нехорошо?

Татьяна Николаевна. Да. Нѣтъ. Голова что то . . . О чемъ мы сейчасъ говорили? Какъ странно: о чемъ мы сейчасъ говорили? Какъ странно, я не совсѣмъ ясно помню, о чемъ мы сейчасъ говорили? О чемъ?

Керженцевъ молчитъ.

Татьяна Николаевна. Антонъ Игнатьевичъ!

Керженцевъ. Что?

Татьяна Николаевна. Какъ вы къ этому пришли?

Керженцевъ. Къ чему?

Татьяна Николаевна. Я не знаю. — Антонъ Игнатьевичъ, голубчикъ, дорогой, не надо! Мнѣ правда, немного страшно. Не надо шутить! Вы такой милый, когда говорите со мной серіозно . . . и вѣдь вы же никогда такъ не шутили! Зачѣмъ теперь! Вы меня перестали уважать? Не надо! И вы не думайте, что я такъ ужъ счастлива . . . какой тамъ! Мнѣ съ Алексѣемъ очень трудно, это правда. И онъ самъ вовсе не такъ счастливъ, я же знаю! . .

Керженцевъ. Татьяна Николаевна, сегодня впервые за шесть лѣтъ мы говоримъ о прошломъ, и я не знаю . . . Вы разсказали Алексѣю, что шесть лѣтъ тому назадъ я предложилъ вамъ руку и сердце и вы изволили отказаться — отъ того и отъ другого?

татьяна Николаевна смущаясь. Дорогой мой, но какъ же я могла . . . не разсказать, когда . . .

Керженцевъ. И онъ также жалѣлъ меня?

Татьяна Николаевна. Но неужто вы не вѣрите въ его благородство, Антонъ Игнатьичъ?

Кееженцевъ. Я васъ очень любилъ, Татьяна Николаевна.

Татьяна Николаевна умоляя. Не надо!

Керженцевъ. Хорошо.

Татьяна Николаевна. Вѣдь вы же сильный! У васъ огромная воля, Антонъ Игнатьичъ, если вы захотите, вы можете все. Ну . . . простите насъ, простите меня!

Керженцевъ. Воля? Да.

Татьяна Николаевна. Зачѣмъ вы такъ смотрите — вы не хотите простить? Не можете? Боже мой, какъ это . . . ужасно! И кто же виноватъ, и какая же это жизнь, Господи! Тихо плачетъ. И все надо бояться, то дѣти, то . . . Простите!

Молчаніе. Керженцевъ точно издали смотритъ на Татьяну Николаевну — вдругъ просвѣтляется, мѣняетъ маску.

Керженцевъ. Татьяна Николаевна, голубчикъ, перестаньте, ну что вы! Я шутилъ.

Татьяна Николаевна вздыхая и вытирая слезы. Вы не будете больше? Не надо.

Керженцевъ. Да конечно! Понимаете: у меня сегодня умеръ мой Джайпуръ и я . . . ну разстроился, что ли. Взгляните на меня: вы видите, я уже улыбаюсь.

Татьяна Николаевна взглянувъ и также улыбнувшись. Какой вы, Антонъ Игнатьичъ!

Керженцевъ. Чудакъ я, ну чудакъ — мало ли чудаковъ, да еще какихъ! Дорогая моя, мы съ вами старые друзья, сколько одной соли съѣли, я люблю васъ, люблю милаго, благороднаго Алексѣя — хотя о произведеніяхъ его позвольте мнѣ всегда говорить прямо . . .

Татьяна Николаевна. Ну конечно же, это вопросъ спорный!

Керженцевъ. Ну вотъ, и прекрасно. А милыя дѣтишки ваши? Вѣроятно, это чувство, общее всѣмъ упорнымъ холостякамъ, но вашихъ дѣтей я считаю почти за своихъ. Вашъ Игорь мой крестникъ . . .

Татьяна Николаевна. Вы милый, Антонъ Игнатьичъ, вы милый! . . — Кто это?

Постучавшись входитъ горничная Саша.

Татьяна Николаевна. Что вамъ, Саша, какъ вы меня испугали, Боже мой! Дѣти?

Саша. Нѣтъ, дѣти спятъ. Васъ баринъ проситъ къ телефону, сейчасъ звонились.

Татьяна Николаевна. Что такое? Что съ нимъ?

Саша. Да ничего, ей Богу. Они веселый, шутятъ.

Татьяна Николаевна. Я сейчасъ, простите, Антонъ Игнатьичъ. Отъ двери, ласково. Милый!

Выходятъ обѣ. Керженцевъ ходитъ по комнатѣ — суровый, озабоченный. Снова беретъ пресс-папье, осматриваетъ его острые углы и взвѣшиваетъ на рукѣ. При входѣ Татьяны Николаевны быстро ставитъ его на мѣсто и дѣлаетъ пріятное лицо.

Татьяна Николаевна. Антонъ Игнатьичъ, ѣдемте скорѣе!

Керженцевъ. Что случилось, дорогая?

Татьяна Николаевна. Нѣтъ, ничего. Милый! Такъ, не знаю. Алексѣй звонитъ изъ ресторана, тамъ кто то собрался, проситъ насъ пріѣхать. Весело. Ѣдемте! Я переодѣваться не стану — идемъ, милый.

Идутъ. Татьяна Николаевна останавливается.

Татьяна Николаевна. Какой вы послушный: идетъ себѣ и даже не спрашиваетъ, куда. Милый! Да . . . Антонъ Игнатьичъ, а когда вы были у психіатра?

Керженцевъ. Дней пять или шесть. Я былъ у Семенова, голубчикъ, онъ мой знакомый. Знающій человѣкъ.

Татьяна Николаевна. А! . . Это очень извѣстный, кажется, это хорошо. Что же онъ вамъ сказалъ? Вы не обижайтесь, дорогой, но вы знаете, какъ я . . .

Керженцевъ. Ну что вы, дорогая! Семеновъ сказалъ, что пустяки, переутомленіе — пустяки. Мы долго съ нимъ говорили, хорошій старикъ. И такіе лукавые глаза!

Татьяна Николаевна. Но переутомленіе есть? Бѣдненькій вы мой, — переутомился! Гладитъ его по рукѣ. Не надо, дорогой, отдохните, полѣчитесь . . .

Керженцевъ молча наклоняется и цѣлуетъ ей руку. Она сверху со страхомъ смотритъ на его голову.

Татьяна Николаевна. Антонъ Игнатьичъ! Вы не будете сегодня спорить съ Алексѣемъ?

Занавѣсъ.

Третья картина.

Кабинетъ Савелова. Шестой часъ вечера, передъ обѣдомъ. Въ кабинетѣ трое: Савеловъ, его жена и гость, приглашенный къ обѣду, писатель Федоровичъ.

Татьяна Николаевна сидитъ на кончикѣ дивана и умоляюще смотритъ на мужа; Федоровичъ неторопливо, заложивъ руки за спину, прохаживается по комнатѣ; Савеловъ сидитъ на своемъ мѣстѣ за столомъ и то откидывается на спинку кресла, то, опустивъ голову надъ столомъ, сердито рубитъ и ломаетъ разрѣзальнымъ ножомъ карандашъ, спички.

Савеловъ. Да къ чорту, наконецъ, Керженцева! Поймите вы оба, и ты пойми это, Федоровичъ, что Керженцевъ мнѣ надоѣлъ, какъ горькая рѣдька! Ну и пусть боленъ, ну и пусть съ ума сошолъ, ну и пусть опасенъ — вѣдь не могу же я думать только о Керженцевѣ. Къ чорту! — Послушай, Федоровичъ, ты былъ на вчерашнемъ докладѣ въ литературномъ обществѣ? Что интереснаго тамъ говорили?

Федоровичъ. Интереснаго мало. Такъ, больше препирались да ругались, я рано уполъ.

Савеловъ. Меня ругали?

Федоровичъ. Ругали, братъ, и тебя. Они всѣхъ тамъ ругаютъ.

Татьяна Николаевна. Ну послушай, Алеша, послушай, не раздражайся: Александръ Николаевичъ просто хочетъ предупредить тебя относительно Керженцева . . . Нѣтъ, нѣтъ, постой, нельзя же быть такимъ упрямымъ! Ну, если ты мнѣ не вѣришь и думаешь, что я преувеличиваю, то повѣрь Александру Николаевичу, онъ посторонній человѣкъ: Александръ Николаевичъ, скажите, вы сами были на этомъ обѣдѣ и сами все видѣли?

Федоровичъ. Самъ.

Татьяна Николаевна. Ну и что же, говорите!

Федоровичъ. Ну и не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ припадокъ форменнаго бѣшенства. Достаточно было посмотрѣть на его глаза, на лицо — форменное изступленіе! Пѣну то на губахъ не сочинишь.

Татьяна Николаевна. Ну?

Федоровичъ. Керженцевъ то вашъ и вообще никогда не производилъ на меня впечатлѣнія кроткаго человѣка, этакое идолище поганое на вывернутыхъ ногахъ, а тутъ и всѣмъ стало жутко. Было насъ человѣкъ десять за столомъ, такъ всѣ и разсыпались, кто куда. Да, братъ, а Петръ Петровичъ было лопнулъ: при его толщинѣ да такое испытаніе!

Татьяна Николаевна. Ты не вѣришь, Алексѣй?

Савеловъ. А чему мнѣ прикажете вѣрить? Вотъ же странные люди! Онъ билъ кого нибудь?

Федоровичъ. Нѣтъ, бить онъ никого не билъ, хотя на Петра Петровича покушался . . . А посуду побилъ, это вѣрно, и цвѣты поломалъ, пальму. Да что — конечно опасенъ, кто можетъ поручиться за такого? Народъ мы нерѣшительный, все на деликатности стараемся, а положительно надо бы сообщить полиціи, пусть посидитъ въ больницѣ, пока отойдетъ.

Татьяна Николаевна. Необходимо сообщить, такъ оставлять этого нельзя. Богъ знаетъ, что! Всѣ смотрятъ и никто . . .

Савеловъ. Оставь, Таня! Просто надо было его связать и больше ничего, и на голову ведро холодной воды. — Если хотите, я вѣрю въ сумасшествіе Керженцева, отчего же, всяко бываетъ, но страховъ вашихъ рѣшительно не понимаю. Почему именно мнѣ онъ захочетъ причинить какой нибудь вредъ? Чепуха!

Татьяна Николаевна. Но я же разсказывала, Алеша, что онъ тогда вечеромъ говорилъ мнѣ. Онъ такъ

меня тогда напугалъ, что я была сама не своя. Я почти плакала!

Савеловъ. Извини, Танечка: ты мнѣ дѣйствительно разсказывала, но я ничего, голубчикъ, не понялъ изъ твоего разсказа. Какая то нелѣпая болтовня на слишкомъ острыя темы, которыхъ, конечно, слѣдовало избѣгать . . . Ты знаешь, Федоровичъ, вѣдь онъ когда то сватался за Татьяну? — какже, любовь тоже! . .

Татьяна Николаевна. Алеша!

Савеловъ. Ему можно, онъ свой человѣкъ. Ну и понимаешь, что то вродѣ любовной отрыжки — э, да просто блажь! Блажь! Никого и никогда не любилъ Керженцевъ и любить не можетъ. Я его знаю. Довольно о немъ, господа.

Федоровичъ. Хорошо.

Татьяна Николаевна. Ну, Алеша, миленькій, ну что стоитъ это сдѣлать — для меня! Ну пусть я глупая, но я страшно безпокоюсь. Не надо его принимать, вотъ и все, можно ласковое письмо ему написать. Вѣдь нельзя же пускать въ домъ такого опаснаго человѣка — не правда ли, Александръ Николаевичъ?

Федоровичъ. Правильно!

Савеловъ. Нѣтъ! — Мнѣ даже неловко слушать тебя, Таня. Дѣйствительно, только этого не хватаетъ, чтобы я изъ за какого то каприза . . . ну, не каприза, я извиняюсь, я не такъ выразился, ну вообще изъ за какихъ то страховъ я отказалъ бы человѣку отъ дома. Не надо было болтать на такія темы, а теперь нечего. Опасный человѣкъ . . . довольно, Таня!

Татьяна Николаевна вздыхая. Хорошо.

Савеловъ. И вотъ еще что, Татьяна: ты не вздумай ему написать безъ моего вѣдома, я тебя знаю. Угадалъ?

Татьяна Николаевна сухо. Ничего ты не угадалъ, Алексѣй. Оставимъ лучше. — Когда же вы въ Крымъ, Александръ Николаевичъ?

Федоровичъ. Да думаю, на той недѣлькѣ двинуть. Трудно мнѣ выбраться.

Савеловъ. Денегъ нѣтъ, Федорчукъ?

Федоровичъ. Да нѣту. Аванса жду, обѣщали.

Савеловъ. Ни у кого, братъ, нѣтъ денегъ.

Федоровичъ останавливается передъ Савеловымъ. А поѣхалъ бы ты со мною, Алексѣй! Все равно вѣдь ничего не дѣлаешь, а тамъ мы съ тобою здорово бы козырнули — а? Забаловался ты, жена тебя балуетъ, а тамъ двинули бы мы пѣшкомъ: дорога, братъ, бѣлая, море, братъ, синее, миндаль цвѣтетъ . . .

Савеловъ. Не люблю Крыма.

Татьяна Николаевна. Онъ совершенно не выноситъ Крыма. Но а если бы такъ, Алеша: я съ дѣтьми осталась бы въ Ялтѣ, а ты съ Александромъ Николаевичемъ поѣзжай на Кавказъ, Кавказъ ты любишь.

Савеловъ. Да чего я ради вообще поѣду? Я вовсе никуда не собираюсь ѣхать, у меня тутъ работы по горло!

Федоровичъ. Для дѣтей хорошо.

Татьяна Николаевна. Конечно!

Савеловъ раздраженно. Ну и поѣзжай съ дѣтьми, если хочешь. Вѣдь это ей Богу невозможно! Ну и поѣзжай съ дѣтьми, а я тутъ останусь. Крымъ . . . Федоровичъ, ты любишь кипарисы? — а я ихъ ненавижу. Стоятъ, какъ восклицательные знаки, чтобъ ихъ чортъ побралъ, а тексту никакого . . . точно рукопись дамы-писательницы о какомъ то «загадочномъ» Борисѣ!

Федоровичъ. Нѣтъ, братъ: дамы-писательницы больше многоточія любятъ . . .

Входитъ горничная.

Саша. Антонъ Игнатьевичъ пришли и спрашиваютъ можно къ вамъ?

Нѣкоторое молчаніе.

Татьяна Николаевна. Ну вотъ. Алеша!

Савеловъ. Конечно, просить! Саша, попросите Антона Игнатьича сюда, скажите, что мы въ кабинетѣ. Чаю дайте.

Горничная выходитъ. Въ кабинетѣ молчаніе. Входитъ Керженцевъ съ какимъ то большимъ бумажнымъ свертком въ рукахъ. Лицо томное. Здоровается.

Савеловъ. А, Антоша! Здравствуй. Что это ты бѣдокуришь, мнѣ все разсказываютъ? Полѣчись, братъ, надо серіозно полѣчиться, такъ этого оставлять нельзя.

Керженцевъ тихо. Да, кажется немного захворалъ. Завтра думаю поѣхать въ санаторію, отдохнуть. Надо отдохнуть.

Савеловъ. Отдохни, отдохни, конечно. Вотъ видишь, Таня, человѣкъ и безъ васъ знаетъ, что ему надо дѣлать. Тутъ такъ, братъ, тебя костили вотъ эти двое . . .

Татьяна Николаевна укоризненно. Алеша! — Хотите чаю, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. Съ удовольствіемъ, Татьяна Николаевна.

Савеловъ. Ты что такъ тихо говоришь, Антонъ? Ворчитъ. Алеша, Алеша — не умѣю я по вашему молчать... Садись, Антонъ, что жъ ты стоишь?

Керженцевъ. Вотъ, Татьяна Николаевна, возьмите пожалуйста.

Татьяна Николаевна принимая пакетъ. Что это?

Керженцевъ. Игорю игрушки. Я ужъ давно обѣщалъ, да какъ то все не было времени, а сегодня кончалъ всѣ свои дѣла въ городѣ и вотъ, къ счастью, вспомнилъ. Я къ вамъ вѣдь проститься.

Татьяна Николаевна. Спасибо, Антонъ Игнатьичъ. Игорь будетъ очень радъ. Я его сюда позову, пусть отъ васъ получитъ.

Савеловъ. Нѣтъ, Танечка, мнѣ не хочется шуму. Прійдетъ Игорь, потомъ и Танька потащится, и такая тутъ начнется персидская революція: то ли на колъ сажаютъ, то ли ура кричатъ! . . Что? Лошадь?

Керженцевъ. Да. Пришолъ я въ магазинъ и растерялся, никакъ не могу угадать, что ему понравится.

Федоровичъ. Мой Петька теперь уже автомобиль требуетъ, не хочетъ лошади.

Татьяна Николаевна звонитъ.

Савеловъ. Ну еще бы! Тоже вѣдь растутъ. Скоро до аэропланов доберутся . . . Вамъ что, Саша?

Саша. Меня звонили.

Татьяна Николаевна. Это я, Алеша. Вотъ, Саша, отнесите пожалуйста въ дѣтскую и отдайте Игорю, скажите дядя ему принесъ.

Савеловъ. А что же ты сама, Таня, не пойдешь? Лучше сама отнеси.

Татьяна Николаевна. Мнѣ не хочется, Алеша.

Савеловъ. Таня!

Татьяна Николаевна беретъ игрушку и молча выходитъ. Федоровичъ насвистываетъ и смотритъ по стѣнамъ уже видѣнныя картины.

Савеловъ. Нелѣпая женщина! Это она тебя боится, Антонъ.

Керженцевъ удивленно. Меня?

Савеловъ. Да. Представилось что то женщинѣ и вотъ тоже, вродѣ тебя, съ ума сходитъ. Считаетъ тебя опаснымъ человѣкомъ.

Федоровичъ перебивая. Чья это карточка, Алексѣй?

Савеловъ. Актрисы одной. Ты что ей наговорилъ тутъ, Антоша? Напрасно, голубчикъ, ты такихъ темъ касаешься. Я убѣжденъ, что для тебя это было шуткой, а Таня моя насчетъ шутокъ плоха, ты ее знаешь не хуже меня.

Федоровичъ снова. А кто эта актриса?

Савеловъ. Да ты ее не знаешь! Такъ то, Антонъ, не слѣдовало бы. Ты улыбаешься? Или серіозенъ?

Керженцевъ молчитъ. Федоровичъ искоса смотритъ на него. Савеловъ хмурится.

Савеловъ. Ну, конечно, шутки. А все таки брось ты шутить, Антонъ! Знаю я тебя съ гимназіи, и всегда въ твоихъ шуткахъ было что то непріятное. Когда шутятъ, братъ, то улыбаются, а ты какъ разъ стараешься въ это время такую рожу скорчить чтобы поджилки затряслись. Экспериментаторъ! Ну что, Таня?

Вошла Татьяна Николаевна.

Татьяна Николаевна. Ну, конечно, радъ. О чемъ вы здѣсь такъ горячо?

Савеловъ ходитъ по кабинету; бросаетъ на ходу пренебрежительно и довольно рѣзко.

Савеловъ. О шуткахъ. Я совѣтовалъ Антону не шутить, такъ какъ не всѣмъ его шутки кажутся одинаково... удачными.

Татьяна Николаевна. Да? А что же чаю, милый Антонъ Игнатьичъ, — вамъ еще не подали! Звонитъ. Простите, я и не замѣтила!

Керженцевъ. Я попросилъ бы стаканъ бѣлаго вина, если это не нарушитъ вашего порядка.

Савеловъ. Ну, какой такой у насъ порядокъ!.. Вошедшей горничной. Саша, дайте сюда вина и два стакана: ты будешь вино пить, Федоровичъ?

Федоровичъ. Стаканчикъ выпью, а ты развѣ нѣтъ?

Савеловъ. Не хочется.

Татьяна Николаевна. Бѣлаго вина дадите, Саша, и два стакана.

Горничная выходитъ, вскорѣ возвращается съ виномъ. Неловкое молчаніе. Савеловъ сдерживаетъ себя, чтобы не выказывать Керженцеву враждебности, но съ каждой минутой это становится труднѣе.

Савеловъ. Ты въ какую санаторію хочешь, Антонъ?

Керженцевъ. Мнѣ Семеновъ посовѣтовалъ. Есть чудесное мѣстечко по Финляндской дорогѣ, я уже списался. Больныхъ, вѣрнѣе отдыхающихъ, тамъ мало — лѣсъ и тишина.

Савеловъ. А! . . Лѣсъ и тишина. Ты что же не пьешь вино, пей. Федоровичъ — наливай. Насмѣшливо. А на что же тебѣ понадобились лѣсъ и тишина?

Татьяна Николаевна. Для отдыха, конечно, и о чемъ ты спрашиваешь, Алеша? Правда, Александръ Николаевичъ, что сегодня нашъ Алеша какой то безтолковый — вы не сердитесь на меня, знаменитый писатель?

Савеловъ. Не болтай, Таня, непріятно. Да, конечно, для отдыха . . . Вотъ, Федоровичъ, обрати вниманіе на человѣка: ему совершенно чуждо простое чувство природы, способность радоваться солнцу, водѣ. Правда, Антонъ?

Керженцевъ молчитъ.

Савеловъ раздражаясь. Нѣтъ, и при этомъ онъ думаетъ, что онъ ушолъ впередъ — понимаешь, Федоровичъ? А мы съ тобой, которые еще могутъ наслаждаться солнцемъ и водой, кажемся ему чѣмъ то атавистическимъ, убійственно отсталымъ. Антонъ, ты не находишь, что Федоровичъ очень похожъ на твоего покойнаго орангутанга?

Федоровичъ. Что жъ, отчасти это правда, Алексѣй. То есть не то, что я похожъ . . .

Савеловъ. Не правда, а просто нелѣпость, своеобразная ограниченность . . . Что тебѣ, Таня? Что это за знаки еще?

Татьяна Николаевна. Ничего. Ты вина не хочешь? Послушайте, Антонъ Игнатьичъ, сегодня мы собрались въ театръ, вы не хотите съ нами? У насъ ложа.

Керженцевъ. Съ удовольствіемъ, Татьяна Николаевна, хотя я не особенно люблю театръ. Но сегодня я пойду съ удовольствіемъ.

Савеловъ. Не любишь? Странно! Отчего же ты его не любишь? Это въ тебѣ что то новое, Антонъ, ты продолжаешь развиваться. Знаешь, Федоровичъ, вѣдь когда то Керженцевъ хотѣлъ самъ идти въ актеры — и

по моему мнѣнію, онъ былъ бы прекрасный актеръ! Въ немъ есть этакія свойства . . . и вообще . . .

Керженцевъ. Мои личныя свойства здѣсь не при чемъ, Алексѣй.

Татьяна Николаевна. Конечно!

Керженцевъ. Я не люблю театра, потому что въ немъ плохо представляютъ. Для настоящей игры, которая въ концѣ концовъ есть только сложная система притворства, театръ слишкомъ тѣсенъ. Не правда ли, Александръ Николаевичъ?

Федоровичъ. Я не совсѣмъ васъ понимаю, Антонъ Игнатьичъ.

Савеловъ. А что же такое — настоящая игра?

Керженцевъ. Истинная художественная игра можетъ быть только въ жизни.

Савеловъ. И поэтому ты не пошолъ въ актеры, а остался докторомъ. Понимаешь, Федоровичъ?

Федоровичъ. Ты придираешься, Алексѣй! Насколько я понимаю . . .

Татьяна Николаевна. Ну, конечно, онъ безсовѣстно придирается. Бросьте его, милый Антонъ Игнатьичъ. пойдемте лучше въ дѣтскую. Игорь непремѣнно хочетъ поцѣловать васъ . . . поцѣлуйте же его, Антонъ Игнатьичъ!

Керженцевъ. Мнѣ нѣсколько тяжелъ сейчасъ дѣтскій шумъ, извините, Татьяна Николаевна.

Савеловъ. Конечно, пусть сидитъ здѣсь. Сиди, Антонъ.

Керженцевъ. И я нисколько не . . . обижаюсь на горячность Алексѣя. Онъ всегда былъ горячъ, еще въ гимназіи.

Савеловъ. Совершенно излишняя снисходительность. И я нисколько не горячусь — что жъ ты не пьешь вино, Антонъ — пей, вино хорошее . . . но меня всегда удивляла твоя оторванность отъ жизни. Жизнь течетъ мимо тебя, а ты сидишь какъ въ крѣпости, ты гордъ въ

своемъ таинственномъ одиночествѣ какъ баронъ! Для бароновъ время прошло, братъ—ихъ крѣпости разрушены. Федоровичъ, ты знаешь, что у нашего барона недавно скончался его единственный союзникъ — орангутангъ?

Татьяна Николаевна. Алеша, опять! Это невозможно!

Керженцевъ. Да, я сижу въ крѣпости. Да. Въ крѣпости!

Савеловъ садясь. Да? Скажи пожалуйста! Слушай, Федоровичъ, — это исповѣдь барона!

Керженцевъ. Да. И моя крѣпость — вотъ: моя голова. Не смѣйся, Алексѣй, ты, мнѣ кажется, еще не совсѣмъ доросъ до этой мысли . . .

Савеловъ. Не доросъ? . .

Керженцевъ. Извини, я не такъ выразился. Но только вотъ здѣсь, въ моей головѣ, за этими черепными стѣнами я могу быть совершенно свободенъ. И я свободенъ! Одинокъ и свободенъ, да!

Встаетъ и начинаетъ ходить по той линіи кабинета, по которой только что ходилъ Савеловъ.

Савеловъ. Федоровичъ, дай мнѣ твой стаканъ. Спасибо. Въ чемъ же твоя свобода, мой одинокій другъ?

Керженцевъ. А въ томъ . . . А въ томъ, мой другъ, что я стою надъ той жизнью, въ которой вы копошитесь и ползаете! А въ томъ, мой другъ, что вмѣсто жалкихъ страстей, которымъ вы подчиняетесь, какъ холопы, я избралъ своимъ другомъ царственную человѣческую мысль. Да, баронъ! Да, я неприступенъ въ своемъ замкѣ и нѣтъ той силы, которая бы не разбилась вотъ объ эти стѣны!

Савеловъ. Да, твой лобъ великолѣпенъ, но не слишкомъ ли ты полагаешься на него? Твое переутомленіе . . .

Татьяна Николаевна. Господа, оставьте, охота вамъ! Алеша!

Керженцевъ смѣется. Мое переутомленіе? Нѣтъ, меня не страшитъ . . . мое переутомленіе. Моя мысль послушна мнѣ, какъ мечъ, остріе котораго направляетъ моя воля. Или ты, слѣпой, не видишь его блеска? Или ты, слѣпой, не знаешь этого восторга: заключать вотъ здѣсь, въ своей головѣ цѣлый міръ, распоряжаться имъ, царить, все заливать свѣтомъ божественной мысли! Что мнѣ машины, которыя тамъ гдѣ то грохочутъ: вотъ здѣсь, въ великой и строгой тишинѣ работаетъ моя мысль и сила ея равна силѣ всѣхъ машинъ въ мірѣ! Ты часто смѣялся надъ моей любовью къ книгѣ, Алексѣй — знаешь ли ты, что когда нибудь человѣкъ станетъ божествомъ и подножіемъ ему будетъ — книга! Мысль!

Савеловъ. Нѣтъ, этого я не знаю. И твой фетишизмъ книги мнѣ кажется просто . . . смѣшнымъ и . . . неумнымъ. Да! Есть еще жизнь!

Также встаетъ и возбужденно ходитъ, временами почти сталкиваясь съ Керженцевымъ: есть страшное въ ихъ возбужденіи, въ томъ, какъ на мгновеніе они останавливаются лицомъ къ лицу. Татьяна Николаевна испуганно шепчетъ что то Федоровичу, тотъ безпомощно и успокоительно пожимаетъ плечами.

Керженцевъ. И это говоришь ты, писатель?

Савеловъ. И это говорю я, писатель.

Татьяна Николаевна. Господа!

Керженцевъ. Жалкій же ты писатель, Савеловъ!

Савеловъ. Можетъ быть.

Керженцевъ. Ты выпустилъ пять книгъ — какъ же ты смѣлъ это сдѣлать, если ты такъ говоришь о книгѣ? Это кощунство! Ты не смѣешь писать, не долженъ!

Савеловъ. Не ты ли мнѣ запретишь?

Оба на мгновеніе останавливаются у письменнаго стола. Въ сторонѣ Татьяна Николаевна тревожно тянетъ за рукавъ Федоровича, тотъ успокоительно шепчетъ ей ничего! ничего!

Керженцевъ. Алексѣй!

Савеловъ. Что?

Керженцевъ. Ты — хуже моего оргаутанга! Онъ съумѣлъ умереть отъ тоски!

Савеловъ. Онъ самъ умеръ, или ты его убилъ? Опытъ?

Снова ходятъ, сталкиваясь. Керженцевъ чему то громко смѣется, одинъ. Глаза у него страшны.

Савеловъ. Смѣешься? Презираешь?

Керженцевъ сильно жестикулируетъ, говоритъ точно съ кѣмъ то третьимъ. Онъ не вѣритъ въ мысль! Онъ смѣетъ не вѣритъ въ мысль! Онъ не знаетъ, что мысль можетъ все! Онъ не знаетъ, что мысль можетъ буравить камень, жечь дома, что мысль можетъ . . . — Алексѣй!

Савеловъ. Твое переутомленіе! . . Да, въ санаторію, въ санаторію!

Керженцевъ. Алексѣй!

Савеловъ. Что?

Оба останавливаются возлѣ стола, Керженцевъ лицомъ къ зрителю. Глаза его страшны, онъ внушаетъ. Руку онъ положилъ на пресс-папье. Татьяна Николаевна и Федоровичъ въ столбнякѣ.

Керженцевъ. Смотри на меня. Ты видишь мою мысль?

Савеловъ. Тебѣ надо въ санаторію. Я смотрю.

Керженцевъ. Смотри! Я могу убить тебя.

Савеловъ. Нѣтъ. Ты . . . ты сумасшедшій!!!

Керженцевъ. Да, я сумасшедшій. Я убью тебя вотъ этимъ!

Медленно поднимаетъ пресс-папье. Также медленно не отводя глазъ отъ глазъ Керженцева, Савеловъ поднимаетъ руку для защиты головы.

Керженцевъ внушая. Опусти руку!

Рука Савелова медленно, толчками, неровно опускается и Керженцевъ бьетъ его по головѣ. Савеловъ падаетъ, Керженцевъ съ поднятымъ пресс-папье наклоняется надъ нимъ. Отчаянный крикъ Татьяны Николаевны и Федоровича.

Занавѣсъ.

Четвертая картина.

Кабинетъ-библіотека Керженцева. Возлѣ столовъ, письменнаго и библіотечнаго съ наваленными на нихъ книгами, не торопясь дѣлаетъ что то Дарья Васильевна, экономка Керженцева, нестарая, миловидная женщина. Напѣваетъ тихонько. Поправляетъ книги, смахиваетъ пыль, смотритъ въ чернильницу, есть ли чернила. Въ передней звонокъ. Дарья Васильевна поворачиваетъ голову, слушитъ въ передней громкій голосъ Керженцева и спокойно продолжаетъ свою работу.

Дарья Васильевна поетъ тихонько. Любила меня мать, обожала, что я ненаглядная дочь; — а дочка то съ милымъ убѣжала — въ глухую ненастную ночь . . . Что тебѣ, Вася? Антонъ Игнатьичъ пріѣхалъ?

Вошолъ слуга Василій.

Василій. Дарья Васильевна!

Дарья Васильевна. Ну? — Бѣжала я лѣсомъ дремучимъ . . . Обѣдать сейчасъ давай, Вася. Ну что ты?

Василій. Дарья Васильевна! Антонъ Игнатьичъ просютъ дать имъ чистое бѣлье, рубашку, онъ въ ванной комнатѣ.

Дарья Васильевна удивленно. Это еще что? Какое еще бѣлье? Обѣдать надо, а не бѣлье, седьмой часъ.

Василій. Плохое дѣло, Дарья Васильевна, я боюсь. У него на всей одежѣ, на пиджакѣ и на брюкахъ, (кровь.)

Дарья Васильевна. Ну что ты! Откуда?

Василій. Почемъ же я знаю? Я боюсь. Сталъ шубу снимать, такъ даже въ шубѣ на рукавахъ кровь, себѣ руку запачкалъ. Свѣжая совсѣмъ. Теперь въ ванной моется и проситъ переодѣться. Меня не пускаетъ, (черезъ дверь говоритъ.)

Дарья Васильевна. Вотъ это странно! Ну пойдемъ, сейчасъ дамъ. Хм, операція можетъ какая нибудь, да для операціи онъ халатъ надѣваетъ. Хм.

Василій. Скорѣе, Дарья Васильевна! Слышите, звонитъ. Я боюсь.

Дарья Васильевна. Ну, ну. Какой пугливый. Идемъ.

Оба выходятъ. Комната нѣкоторое время пуста. Затѣмъ входятъ Керженцевъ и за нимъ, видимо испуганная, Дарья Васильевна. Керженцевъ говоритъ повышенно громкимъ голосомъ, громко смѣется, одѣтъ по домашнему, безъ крахмальнаго воротничка.

Керженцевъ. Обѣдать я не буду, Дашенька, можете убирать. Мнѣ не хочется.

Дарья Васильевна. Какъ же такъ, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. А такъ. Ты чего испугалась, Даша? — тебѣ Василій чего нибудь наговорилъ? Охота тебѣ слушать этого дурака.

Быстро идетъ къ углу, гдѣ все еще стоитъ пустая клѣтка.

Керженцевъ. А гдѣ нашъ Джайпуръ? Нѣту. Умеръ нашъ Джайпуръ, Дарья Васильевна. Умеръ! Ты что, Дашенька, ты что?

Дарья Васильевна. Зачѣмъ вы ванную заперли и ключъ взяли къ себѣ — Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. А чтобы васъ не разстраивать, Дарья Васильевна, чтобы васъ не разстраивать! Смѣется. Я шучу. Скоро узнаешь, Даша.

Дарья Васильевна. Что узнаю? Вы гдѣ были, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. Гдѣ былъ? Я былъ въ театрѣ, Даша.

Дарья Васильевна. Какой же теперь театръ?

Керженцевъ. Да. Сейчасъ театра нѣтъ. Но я самъ игралъ. Даша, я самъ игралъ. И я игралъ великолѣпно, я игралъ великолѣпно! Жаль, что ты не можешь оцѣнить, что ты не можешь оцѣнить, я бы разсказалъ тебѣ

про одну изумительную вещь, изумительную вещь — талантливый пріемъ! Талантливый пріемъ! Надо только смотрѣть въ глаза, надо только смотрѣть въ глаза и . . . Но ты ничего не понимаешь, Даша. Поцѣлуй меня, Дашенька.

Дарья Васильевна отстраняясь. Нѣтъ.

Керженцевъ. Поцѣлуй.

Дарья Васильевна. Не хочу. Я боюсь. У васъ глаза . . .

Керженцевъ сурово и гнѣвно. Что глаза? Ступай. Довольно глупостей! Но ты глупенькая, Даша, и я все таки тебя поцѣлую. Насильно цѣлуетъ. Жалко, Дашенька, что ночь не наша, что ночь . . . Смѣется. Ну, ступай. И скажи Василію, скажи Василію, скажи Василію, что черезъ часъ или два у меня будутъ этакіе гости, этакіе гости въ мундирахъ. Пусть не пугается. И скажи, скажи, чтобы далъ мнѣ сюда бутылку бѣлаго вина. Такъ. Все. Иди.

Экономка выходитъ. Керженцевъ, очень твердо ступая, ходитъ по комнатѣ, гуляетъ. Думаетъ, что у него очень беззаботный и веселый видъ. Беретъ одну, другую книгу, смотритъ и кладетъ обратно. Видъ его почти страшенъ, но онъ думаетъ, что онъ спокоенъ. Ходитъ. Замѣчаетъ пустую клѣтку — и смѣется.

Керженцевъ. А, это ты, Джайпуръ! Отчего я все забываю, что ты умеръ? Джайпуръ, ты умеръ отъ тоски? Глупая тоска, тебѣ надо было жить и смотрѣть на меня — какъ я смотрѣлъ на тебя! Джайпуръ, ты знаешь, что я сдѣлалъ сегодня? Ходитъ по комнатѣ, говоритъ, сильно жестикулируя. Умеръ. Взялъ и умеръ. Глупо! Не видитъ моего торжества. Не знаетъ. Не видитъ. Глупо! Но я усталъ немного — еще бы не устать! Еще бы не устать! Опусти руку — сказалъ я. И онъ — опустилъ. Джайпуръ, обезьяна — онъ опустилъ руку! Подходитъ къ клѣткѣ, смѣется. Ты могъ бы сдѣлать это, обезьяна? Глупо! Умеръ, какъ дуракъ! — отъ тоски. Глупо! Громко напѣваетъ. Василій вноситъ вино и стаканъ, идетъ на цыпочкахъ. Кто это? А! Это ты. Поставь. Иди.

Василій также на цыпочкахъ робко выходитъ. Керженцевъ бросаетъ книгу, размашисто и быстро выпиваетъ стаканъ вина и, сдѣлавъ по комнатѣ нѣсколько круговъ, беретъ книгу и ложится на диванъ. Зажигаетъ лампочку на столикѣ, у изголовья, — лицо его освѣщено ярко, какъ бы рефлекторомъ. Пробуетъ читать, но не можетъ, бросаетъ книгу на полъ.

Керженцевъ. Нѣтъ, не хочу читать. Нѣтъ. Закидываетъ руки подъ голову и закрываетъ глаза. Какъ пріятно. Пріятно, пріятно. Усталъ. Хочется спать, спать. Молчаніе, неподвижность. Вдругъ смѣется, не открывая главъ, какъ во снѣ. Слегка приподнимаетъ и опускаетъ правую руку. Да!

Снова тихій и продолжительный смѣхъ при закрытыхъ глазахъ. Молчаніе. Неподвижность. Ярко освѣщенное лицо становится строже, суровѣе. Гдѣ то бьютъ часы. Вдругъ съ закрытыми еще глазами Керженцевъ медленно приподнимается и садится на диванѣ. Молчитъ, точно во снѣ. И произноситъ медленно, раздѣляя слова, громко и странно пусто, какъ бы чужимъ голосомъ, слегка и равномѣрно покачиваясь.

Керженцевъ. А весьма возможно, — что — докторъ Керженцевъ дѣйствительно сумасшедшій. — Онъ думалъ, — что — онъ притворяется, а онъ — дѣйствительно — сумасшедшій. И сейчасъ сумасшедшій. Еще мгновеніе неподвижности. Керженцевъ открываетъ глаза и смотритъ съ ужасомъ. Кто это сказалъ? Молчитъ и смотритъ съ ужасомъ. Кто? Шепчетъ. Кто сказалъ? Кто? Кто? — — О, Боже мой! Вскакиваетъ и, полный ужаса, мечется по комнатѣ. Нѣтъ! Нѣтъ! Останавливается и простирая руки, какъ бы удерживая на мѣстѣ кружащіяся вещи, все падающее, почти кричитъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Это неправда, я знаю. Стой! Все стой! Снова мечется. Стой, стой! Погоди же! Да не надо же сводить себя съ ума! Да не надо же сводить себя съ ума. Не надо, не надо — сводить себя — съ ума. Какъ это? Останавливается и, закрывъ крѣпко глаза, раздѣльно произноситъ, нарочно дѣлая голосъ чужимъ и хитрымъ: Онъ думалъ, что онъ притворяется, — что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій. Открываетъ глаза и, медленно поднявъ обѣ руки, беретъ себя за волосы. Такъ. Случилось. То, чего ждалъ, то случилось. Кончено. Снова молча и судорожно ме-

чется. Начинаетъ дрожать крупной, все усиливающейся дрожью. Бормочетъ. Вдругъ налетаетъ на зеркало, видитъ себя — и слегка вскрикиваетъ отъ ужаса: Зеркало! Снова осторожно, сбоку подкрадывается къ зеркалу, заглядываетъ. Бормочетъ. Хочетъ поправить волосы, но не понимаетъ, какъ это дѣлается. Движенія нелѣпыя, дискоординированныя. Ага! Такъ, такъ, такъ. Хитро смѣется. Ты думалъ, что ты притворяешься, а ты былъ сумасшедшимъ, у-гу-гу! Что, ловко? Ага! Ты маленькій, ты злой, ты глупый, ты докторъ Керженцевъ. Какой то докторъ Керженцевъ, сумасшедшій докторъ Керженцевъ, какой то докторъ Керженцевъ! . . Бормочетъ. Смѣется. Вдругъ, продолжая глядѣть на себя, медленно и серіозно начинаетъ рвать на себѣ одежду. Трещитъ разрываемая матерія.

Занавѣсъ.

Пятая картина.

Больница для умалишенныхъ, куда помѣщенъ на испытаніе подслѣдственный Керженцевъ.

На сценѣ корридоръ, въ который выходятъ двери отдѣльныхъ камеръ; корридоръ расширяется въ небольшой залъ или нишу, — здѣсь стоитъ письменный небольшой столъ для врача, два стула; видно, что тутъ любятъ собираться служащіе въ больницѣ для разговоровъ. Стѣны бѣлыя съ широкой голубой панелью; горитъ электричество. Свѣтло, уютно. Противъ ниши — дверь въ камеру Керженцева.

Въ корридорѣ безпокойное движеніе: съ Керженцевымъ только что кончился сильный припадокъ. Въ камеру, занимаемую больнымъ, входятъ и выходятъ врачъ въ бѣломъ балахонѣ, котораго называютъ Иванъ Петровичъ, сидѣлка Маша, служители. Проносятъ лѣкарство.

Въ нишѣ тихо болтаютъ двѣ сидѣлки. Выходитъ изъ корридора второй врачъ, докторъ Прямой, — еще молодой человѣкъ, близорукій и очень скромный. При его приближеніи сидѣлки смолкаютъ и принимаютъ почтительныя позы. Кланяются.

Прямой. Добрый вечеръ. Васильева, что тутъ такое? Припадокъ?

Сидѣлка. Да, Сергѣй Сергѣичъ, припадокъ.

Прямой. Чья это комната? Присматривается къ двери.

Сидѣлка. Керженцева, того самого, Сергѣй Сергѣичъ. — Убійцы.

Прямой. А, да. Такъ что съ нимъ? Иванъ Петровичъ тамъ?

Сидѣлка. Тамъ. Теперь ничего, успокоился. Вотъ Маша идетъ, ее можно спросить. Я только пришла.

Въ камеру хочетъ войти сидѣлка Маша, еще молодая женщина съ пріятнымъ, кроткимъ лицомъ; докторъ окликаетъ ее.

Прямой. Послушайте, Маша, ну какъ?

Маша. Здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ. Теперь ничего, стихъ. Лѣкарство несу.

Прямой. А! Ну несите, несите.

Маша входитъ, осторожно открывая и закрывая дверь.

Прямой. А профессоръ знаетъ? Ему говорили?

Васильева. Да, докладывали. Они сами хотѣли прійти, да теперь ничего, отошолъ.

Прямой. А!

Изъ камеры выходитъ служитель и вскорѣ возвращается назадъ. Всѣ провожаютъ его глазами.

Васильева тихо смѣется. Что, Сергѣй Сергѣичъ, не привыкли еще?

Прямой. А? Ну-ну, привыкну. Что онъ, буйствовалъ или такъ?

Васильева. Не знаю.

Сидѣлка. Буйствовалъ. Насилу трое справились, такъ воевалъ. Такой ужъ онъ Мамай!

Обѣ сидѣлки тихо смѣются.

Прямой строго. Ну-ну! Нечего тутъ зубы скалить.

Выходитъ изъ камеры Керженцева докторъ Иванъ Петровичъ, у него слегка кривыя колѣни, ходитъ переваливаясь.

Прямой. А, Иванъ Петровичъ, здравствуйте. Какъ тамъ у васъ?

Иванъ Петровичъ. Ничего, ничего, прекрасно. Дайте ка сигареточку. Что, на дежурствѣ сегодня?

Прямой. Да, на дежурствѣ. Да услыхалъ, что у васъ тутъ что то, зашолъ посмотрѣть. Самъ хотѣлъ прійти?

Иванъ Петровичъ. Хотѣлъ, да теперь незачѣмъ. Кажется засыпаетъ, я ему такую дозу вкатилъ . . . Такъ то, батенька, такъ то, Сергѣй Сергѣевичъ, такъ то, душечка. Крѣпкій господинъ Керженцевъ человѣкъ, хотя по подвигамъ ихнимъ можно было ожидать и большаго. Подвигъ то его знаете?

Прямой. Ну, какже. А отчего, Иванъ Петровичъ, вы не отправили его въ изоляціонную?

Иванъ Петровичъ. Такъ обошлись. — Самъ идетъ. Евгеній Иванычъ.

Оба врача бросаютъ папиросы и принимаютъ почтительно выжидающія позы. Въ сопровожденіи еще одного врача, подходитъ профессоръ Семеновъ, внушительный, крупныхъ размѣровъ старикъ съ исчерна-сѣдыми волосами и бородой; вообще онъ сильно облохматѣлъ и нѣсколько напоминаетъ крупнаго дворового пса. Одѣтъ обычно, безъ балахона. Здороваются. Сидѣлки отходятъ въ сторону.

Семеновъ. Здравствуйте, здравствуйте. Успокоился коллега?

Иванъ Петровичъ. Да, Евгеній Иванычъ, успокоился. Засыпаетъ. Я только что хотѣлъ идти доложить вамъ.

Семеновъ. Ничего, ничего. Успокоился и слава Богу. А что за причина, или такъ, отъ погоды?

Иванъ Петровичъ. То есть частью отъ погоды, а частью жалуется, что безпокойно, спать не можетъ, сумасшедшіе орутъ. Вчера съ Корниловымъ опять припадокъ былъ, полъ ночи завывалъ на весь корпусъ.

Семеновъ. Ну, этотъ Корниловъ мнѣ самому надоѣлъ. Керженцевъ опять писалъ, что ли?

Иванъ Петровичъ. Пишетъ. Надо бы у него эти писанія отобрать, Евгеній Иванычъ, мнѣ кажется, что это также одна изъ причинъ . . .

Семеновъ. Ну-ну, отобрать. Пусть себѣ пишетъ. Онъ интересно пишетъ, потомъ почитаете, я читалъ. Рубашку надѣли?

Иванъ Петровичъ. Пришлось.

Семеновъ. Какъ заснетъ, снимите тихонько, а то непріятно будетъ, какъ въ рубашкѣ проснется. Онъ вѣдь ничего помнить не будетъ. Пусть, пусть себѣ пишетъ, вы ему не мѣшайте, бумаги дайте побольше. На галлюцинаціи не жалуется?

Иванъ Петровичъ. Пока еще нѣтъ.

Семеновъ. Ну и слава Богу. Пусть пишетъ, ему есть о чемъ поговорить. Перьевъ ему дайте побольше, коробку дайте, онъ перья то ломаетъ, когда пишетъ. Все подчеркиваетъ, все подчеркиваетъ. Васъ ругаетъ?

Иванъ Петровичъ. Случается.

Семеновъ. Ну-ну, онъ и меня поноситъ, пишетъ: а если васъ, Евгеній Ивановичъ, въ халатъ одѣть, то кто будетъ сумасшедшій: вы или я?

Всѣ тихо смѣются.

Иванъ Петровичъ. Да. Несчастный человѣкъ. То есть симпатій мнѣ онъ не внушаетъ, но . . .

Изъ двери выходитъ, осторожно прикрывая ее за собой, сидѣлка Маша. На нее смотрятъ.

Маша. Здравствуйте, Евгеній Ивановичъ.

Семеновъ. Здравствуйте, Маша.

Маша. Иванъ Петровичъ, васъ Антонъ Игнатьичъ проситъ, проснулся.

Иванъ Петровичъ. Сейчасъ. Можетъ быть вамъ будетъ угодно, Евгеній Иванычъ?

Семеновъ. Нѣтъ ужъ, что его тревожить. Идите.

Иванъ Петровичъ слѣдомъ за сидѣлкой входитъ въ камеру. Нѣкоторое время всѣ смотрятъ на запертую дверь. Тамъ тихо.

Семеновъ. Превосходная женщина, эта Маша, моя любимица.

Третій врачъ. Дверей только никогда не замыкаетъ. Оставить ее распоряжаться, такъ ни одного больного не останется, разбѣгутся. Я жаловаться вамъ хотѣлъ, Евгеній Иванычъ.

Семеновъ. Ну-ну, жаловаться. Другіе запрутъ, а и убѣжитъ, такъ убѣжитъ, поймаемъ. Превосходная женщина, Сергѣй Сергѣевичъ, вы вотъ къ ней присмотритесь, вамъ это вновѣ. Не знаю, что въ ней есть такое, но чудесно дѣйствуетъ на больныхъ, да и здоровыхъ — оздоровляетъ. Этакій прирожденный талантъ здоровья, душевный озонъ.

Садится и вынимаетъ папиросу. Ассистенты стоятъ.

Семеновъ. Что же вы не курите, господа?

Прямой. Я только что . . . Закуриваетъ.

Семеновъ. Я бы на ней женился, до того она мнѣ

нравится, пусть книжками моими печку подтапливаетъ, она и это можетъ.

Третій врачъ. Это она можетъ.

Прямой улыбаясь почтительно. Что жъ, вы холостой, Евгеній Иванычъ, женитесь.

Семеновъ. Не пойдетъ, за меня ни одна женщина не пойдетъ, я на старую собаку, говорятъ, похожъ.

Тихо смѣются.

Прямой. А какъ ваше мнѣніе, профессоръ, это очень интересуетъ меня: докторъ Керженцевъ дѣйствительно ненормаленъ или же только симмулянтъ, какъ онъ теперь увѣряетъ? Какъ поклонника Савелова случай этотъ въ свое время меня чрезвычайно взволновалъ, и ваше авторитетное мнѣніе, Евгеній Иванычъ . . .

Семеновъ качнувъ головой въ сторону камеры. Видали?

Прямой. Да, но это ничего еще не доказываетъ. Бываютъ случаи . . .

Семеновъ. И не доказываетъ и доказываетъ. Что говорить? Я этого Керженцева Антона Игнатьевича знаю пять лѣтъ, лично знакомъ, и человѣкъ онъ всегда былъ странный . . .

Прямой. Но это еще не сумасшествіе?

Семеновъ. Это еще не сумасшествіе, вонъ и про меня разсказываютъ, что я странный, да и кто не странный то?

Изъ камеры выходитъ Иванъ Петровичъ, на него смотрятъ.

Иванъ Петровичъ. Проситъ рубашку снять, обѣщается, что не будетъ.

Семеновъ. Нѣтъ, рано еще. — Былъ онъ у меня — мы про вашего Керженцева говоримъ — и передъ самымъ почти убійствомъ, совѣтовался о здоровьи, кажется хитрилъ — и что вамъ сказать? По моему мнѣнію, ему дѣйствительно каторгу надо, хорошую каторгу лѣтъ на пятнадцать. Пусть провѣтрится, кислородцемъ подышетъ.

Иванъ Петровичъ смѣется. Да, кислородъ.

Третій врачъ. Не въ монастырь же его.

Семеновъ. Въ монастырь, не въ монастырь, а къ людямъ припустить его надо, онъ и самъ каторги проситъ. Такъ я и мнѣніе свое ставлю. Понастроилъ капкановъ, да самъ въ нихъ и сидитъ, пожалуй и не на шутку свихнется. А жалко будетъ человѣка.

Прямой задумавшись. А страшная это вещь — голова. Стоитъ немного покачнуться и . . . Такъ иногда про себя и думаешь: а кто я самъ то, если хорошенько разсмотрѣть? А?

Семеновъ встаетъ и ласково треплетъ Прямого по плечу. Ну-ну, молодой человѣкъ. Не такъ страшно. Кто про себя думаетъ что онъ сумасшедшій, тотъ еще здоровый, — а сойдетъ, тогда и думать перестанетъ. Все равно какъ смерть: страшна, пока живъ. Вотъ мы, которые постарше, должно быть давно ужъ съ ума посошли, ничего не боимся. Посмотрите на Ивана Петровича.

Иванъ Петровичъ смѣется.

Прямой улыбается. Все таки безпокойно, Евгеній Иванычъ. Непрочная механника.

Издали доносится какой то неопредѣленный, непріятный звукъ, похожій на вытье. Одна изъ сидѣлокъ быстро уходитъ.

Прямой. Что это?

Иванъ Петровичъ третьему врачу. Опять, вѣроятно, вашъ Корниловъ, чтобъ ему пусто было. Всѣхъ измучилъ.

Третій врачъ. Мнѣ идти. До свиданія, Евгеній Иванычъ.

Семеновъ. Я къ нему зайду, посмотрю.

Третій врачъ. Да что, плохъ, едва ли недѣлю выдержитъ. Горитъ. Такъ я буду васъ ждать, Евгеній Иванычъ.

Уходитъ.

Прямой. А что Керженцевъ пишетъ, Евгеній Иванычъ? Я не изъ любопытства . . .

Семеновъ. А пишетъ онъ хорошо, вертляво: и туда можетъ и сюда можетъ — хорошо пишетъ. И когда доказываетъ, что здоровый — такъ и видишь сумасшедшаго ни оптима форма, а начнетъ доказывать, что сумасшедшій — хоть на кафедру сажай, лекціи читать молодымъ докторамъ, такой здоровый. Ахъ, господа вы мои молоденькіе, не въ томъ дѣло, что пишетъ, а въ томъ, что — человѣкъ я есмь. Человѣкъ.

Входитъ Маша.

Маша. Иванъ Петровичъ, больной заснулъ, — можно служителей отпустить?

Семеновъ. Отпустите, Маша, отпустите, сами только не уходите. Не обижаетъ онъ васъ?

Маша. Нѣтъ, Евгеній Иванычъ, не обижаетъ.

Уходитъ. Вскорѣ изъ камеры выходятъ два дюжихъ служителя, стараются идти тихо, не не могутъ, стучатъ. Слышнѣе кричитъ Корниловъ.

Семеновъ. Такъ то. А жалко, что у меня видъ собачій, женился бы я на Машѣ; да и цензъ я давно потерялъ. Смѣется. Однако, какъ соловей нашъ заливается, надо идти. Иванъ Петровичъ, пойдемте ка, вы мнѣ еще про Керженцева разскажете. До свиданія, Сергѣй Сергѣевичъ.

Прямой. До свиданія, Евгеній Ивановичъ.

Семеновъ и Иванъ Петровичъ медленно уходятъ по корридору; Иванъ Петровичъ разсказываетъ. Докторъ Прямой стоитъ, опустивъ голову, думаетъ. Разсѣянно ищетъ карманъ подъ бѣлымъ балахономъ, достаетъ портсигаръ, папиросу, но не закуриваетъ — забылъ.

Занавѣсъ.

Шестая картина.

Камера, гдѣ находится Керженцевъ. Обстановка казенная, единственное большое окно за рѣшеткой; дверь при каждомъ входѣ и выходѣ запирается на ключъ — не всегда дѣлаетъ это, хотя и обязана, больничная сидѣлка Маша. Довольно много книгъ, которыя выписалъ изъ дому, но не читаетъ докторъ Керженцевъ. Шахматы, въ которыя онъ играетъ часто, самъ съ собою разыгрывая сложныя, многодневныя партіи.

Керженцевъ въ больничномъ халатѣ. За время пребыванія въ больницѣ онъ похудѣлъ, волосы сильно отросли, но въ порядкѣ; отъ безсонницы глаза Керженцева имѣютъ нѣсколько возбужденный видъ. Въ настоящую минуту онъ пишетъ свое объясненіе экспертамъ-психіатрамъ. Сумерки, въ камерѣ уже темновато, но на Керженцева изъ окна падаетъ послѣдній синеватый свѣтъ. Становится трудно писать отъ темноты, Керженцевъ встаетъ и поворачиваетъ выключатель: вспыхиваетъ сперва верхняя въ потолкѣ лампочка, потомъ та, что на столѣ, подъ зеленымъ абажурчикомъ. Снова пишетъ, сосредоточенно и угрюмо, шопотомъ считаетъ исписанные листы.

Тихо входитъ сидѣлка Маша. Бѣлый казенный балахонъ ея очень чистъ и вся она, съ своими точными и безшумными движеніями производитъ впечатлѣніе чистоты, порядка, ласковой и спокойной доброты. Оправляетъ постель, что то тихо дѣлаетъ.

Керженцевъ не оборачиваясь. Маша!

Маша. Что, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ. Хлорал-амиду въ аптекѣ отпустили?

Маша. Отпустили, я сейчасъ принесу, когда за чаемъ пойду.

Керженцевъ переставая писать, оборачивается. По моему рецепту?

Маша. По вашему. Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ, ничего не сказалъ, подписалъ. Головой только покачалъ.

Керженцевъ. Головой покачалъ? Что же это значитъ: много, по его мнѣнію, доза велика? Неучъ!

Керженцевъ. Не бранитесь, Антонъ Игнатьичъ, не надо, миленькій.

Керженцевъ. А вы ему сказали, какая у меня безсонница, что я ни одной ночи какъ слѣдуетъ не спалъ?

Маша. Сказала. Онъ знаетъ.

Керженцевъ. Неучи! Невѣжды! Тюремщики! Ставятъ человѣка въ такія условія, что вполнѣ здоровый можетъ сойти съ ума, и называютъ это испытаніемъ, научной провѣркой! Ходитъ по камерѣ. Ослы! — Маша, нынче ночью этотъ вашъ, Корниловъ, опять оралъ. Припадокъ?

Маша. Да, припадокъ, очень сильный, Антонъ Игнатьичъ, насилу успокоился.

Керженцевъ. Невыносимо! Рубашку надѣвали?

Маша. Да.

Керженцевъ. Невыносимо! Онъ воетъ по цѣлымъ часамъ и никто не можетъ его остановить! Это ужасно, Маша, когда человѣкъ перестаетъ говорить и воетъ: человѣческая гортань, Маша, неприспособлена къ вытью, и оттого эти полузвѣриные звуки и вопли такъ ужасны. Хочется самому стать на четвереньки и выть, Маша, а вамъ — когда вы слышите это — не хочется самой завыть?

Маша. Нѣтъ, миленькій, что вы. Я жъ здоровая.

Керженцевъ. Здоровая! Да. Вы очень странный человѣкъ, Маша . . . Куда вы?

Маша. Я никуда, я здѣсь.

Керженцевъ. Побудьте со мной. Вы очень странный человѣкъ, Маша. Вотъ уже два мѣсяца я приглядываюсь къ вамъ, изучаю васъ, и никакъ не могу понять, откуда у васъ эта діавольская твердость, непоколебимость духа. Да. Вы что то знаете, Маша, но что? Среди сумасшедшихъ, воющихъ, ползающихъ, въ этихъ клѣткахъ, гдѣ каждая частица воздуха заражена безуміемъ, вы ходите такъ спокойно, словно это . . . лугъ съ цвѣтами! Поймите, Маша, что это опаснѣе, чѣмъ жить въ клѣткѣ съ тиграми и львами, съ ядовитѣйшими змѣями!

Маша. Меня никто не тронетъ. Я здѣсь ужъ пять лѣтъ, а меня никто даже не ударилъ, даже не обругалъ.

Керженцевъ. Не въ томъ дѣло, Маша! Зараза, ядъ, понимаете? — вотъ въ чемъ дѣло. Ваши всѣ доктора уже на половину сумасшедшіе, а вы дико, вы категорически здоровы. Вы ласковы съ нами, какъ съ телятами, и ваши глаза такъ ясны, такъ глубоко и непостижимо ясны, какъ будто и вовсе нѣтъ въ мірѣ безумія, никто не воетъ, а только поютъ пѣсенки. Почему въ вашихъ глазахъ нѣтъ тоски? Вы что то знаете, Маша, вы что то драгоцѣнное знаете, Маша, единственное, спасительное, но что? Но что?

Маша. Ничего я не знаю, миленькій. Живу какъ Богъ велѣлъ, а что мнѣ знать?

Керженцевъ смѣется сердито. Ну да, конечно, какъ Богъ велѣлъ!

Маша. И всѣ такъ живутъ, не одна я.

Керженцевъ смѣется еще сердитѣе. Ну конечно, и всѣ такъ живутъ! Нѣтъ, Маша, ничего вы не знаете, это ложь, и я напрасно цѣпляюсь за васъ. Вы хуже соломинки. Садится. Послушайте, Маша, вы бывали когда нибудь въ театрѣ?

Маша. Нѣтъ, Антонъ Игнатьичъ, никогда не была.

Керженцевъ. Такъ. И вы неграмотны, вы не прочли ни одной книги? Маша, а Евангеліе вы хорошо знаете?

Маша. Нѣтъ, Антонъ Игнатьичъ, откуда жъ знать. Только то и знаю, что въ церкви читается, да и то развѣ много запомнишь! Я въ церкви люблю бывать, да не приходится, некогда, работы много, дай Богъ только на минутку вскочить, лобъ перекрестить. Я, Антонъ Игнатьичъ, въ церковь наровлю попасть, когда батюшка говоритъ: и васъ всѣхъ, православныхъ христіанъ — услышу это, вздохну, вотъ я и рада.

Керженцевъ. Вотъ она и рада! Она ничего не знаетъ, и она рада, и въ глазахъ у нея нѣтъ тоски, отъ которой умираютъ. Чепуха! Низшая форма или . . .

что ли? Чепуха! — Маша, а вы знаете, что земля, на которой вотъ мы сейчасъ съ вами, что эта земля вертится?

Маша равнодушно. Нѣтъ, голубчикъ, не знаю.

Керженцевъ. Вертится, Маша, вертится, и мы вертимся съ нею! Нѣтъ, вы что то знаете, Маша, вы что то знаете, о чемъ не хотите сказать. Зачѣмъ Богъ далъ языкъ только діаволамъ своимъ, а ангелы безсловесны? Можетъ быть вы ангелъ, Маша, но вы безсловесны — вы отчаянно не пара доктору Керженцеву! Маша, голубчикъ, вы знаете, что я скоро дѣйствительно сойду съ ума?

Маша. Нѣтъ, не сойдете.

Керженцевъ. Да? А скажите, Маша, но только по чистой совѣсти, за обманъ васъ накажетъ Богъ! — скажите по самой чистой совѣсти: я сумасшедшій или нѣтъ?

Маша. Вы же сами знаете, что нѣтъ . . .

Керженцевъ. Ничего я самъ не знаю! Самъ! Я васъ спрашиваю!

Маша. Конечно же, не сумасшедшій.

Керженцевъ. А убилъ то я? Это что же?

Маша. Значитъ, такъ хотѣли. Была ваша воля убить, вотъ и убили вы.

Керженцевъ. Что же это? Грѣхъ, по вашему?

Маша нѣсколько сердито. Не знаю, миленькій, спросите тѣхъ, кто знаетъ. Я людямъ не судья. Мнѣ то легко сказать: грѣхъ, вертанула языкомъ, вотъ и готово, а для васъ это будетъ наказаніе . . . Нѣтъ, пусть другіе наказываютъ, кому охота, а я никого наказывать не могу. Нѣтъ.

Керженцевъ. А Богъ, Маша? Скажи мнѣ про Бога, ты знаешь.

Маша. Что вы, Антонъ Игнатьичъ, какъ же я смѣю про Бога знать? Про Бога никто не смѣетъ знать, не было еще такой головы отчаянной. Не принести вамъ чайку, Антонъ Игнатьичъ? Съ молочкомъ?

Керженцевъ. Съ молочкомъ, съ молочкомъ . . . Нѣтъ, Маша, напрасно вы тогда вынули меня изъ поло-

тенца, глупо вы сдѣлали, мой ангелъ. На кой чортъ я здѣсь? Нѣтъ — на кой чортъ я здѣсь? Былъ бы я мертвый и было бы мнѣ спокойно . . . ахъ, хоть бы минута спокойствія! Мнѣ измѣнили, Маша! Мнѣ подло измѣнили, какъ только измѣняютъ женщины, холопы и — мысли! Меня предали, Маша, и я погибъ.

Маша. Кто же вамъ измѣнилъ, Антонъ Игнатьичъ?

Керженцевъ ударяя себя по лбу. Вотъ. Мысль! Мысль, Маша, вотъ кто мнѣ измѣнилъ. — Вы видали когда нибудь змѣю — пьяную змѣю, остервѣнившуюся отъ яда? И вотъ въ комнатѣ много людей, и двери заперты, и на окнахъ рѣшетки — и вотъ она ползаетъ, взбирается по ногамъ, кусаетъ въ губы, въ голову, въ глаза! . . Маша!

Маша. Что, голубчикъ, вамъ нехорошо?

Керженцевъ. Маша! . .Садится, зажавъ голову руками. Маша подходитъ и осторожно гладитъ его по волосамъ. Маша!

Маша. Что, миленькій?

Керженцевъ. Маша! . . Я былъ силенъ на землѣ и крѣпко стояли на ней мои ноги — и что же теперь? Маша, я погибъ! Я никогда не узнаю о себѣ правды. Кто я? Притворялся ли я сумасшедшимъ, чтобы убить — или я дѣйствительно былъ сумасшедшій, только потому и убилъ? Маша! . .

Маша осторожно и ласково отводитъ его руки отъ головы, гладитъ волосы.

Маша. Прилягте на постельку, голубчикъ . . . Ахъ, миленькій, и до чего мнѣ васъ жалко! Ничего, ничего, все пройдетъ и мысли ваши прояснятся, все пройдетъ . . . Прилягте на постельку, отдохните, а я около посижу. Ишь, сколько волосъ то сѣденькихъ — голубчикъ вы мой, Антошенька . . .

Керженцевъ. Ты не уходи.

Маша. Нѣтъ, мнѣ некуда идти. Прилягте.

Керженцевъ. Дай мнѣ платокъ.

Маша. Нате, голубчикъ, это мой, да онъ чистенькій,

сегодня только выдали. Вытрите слезки, вытрите. Прилечь вамъ надо, прилягте.

Опустивъ голову, глядя въ полъ, Керженцевъ переходитъ на постель, ложится навзничь, глаза закрыты.

Керженцевъ. Маша!

Маша. Я здѣсь. Я стулъ себѣ взять хочу. Вотъ и я. Ничего, что я руку вамъ на лобъ положу?

Керженцевъ. Хорошо. Рука у тебя холодная, мнѣ пріятно.

Маша. А легкая рука?

Керженцевъ. Легкая. Смѣшная ты, Маша.

Маша. Рука у меня легкая. Прежде, до сидѣлокъ, я въ нянькахъ ходила, такъ вотъ не спитъ бывало младенчикъ, безпокоится, а положу я руку, онъ и заснулъ съ улыбочкой. Рука у меня легкая, добрая.

Керженцевъ. Разскажи мнѣ что нибудь. Ты что то знаешь, Маша: разскажи мнѣ, что ты знаешь. Ты не думай, я спать не хочу, я такъ глаза закрылъ.

Маша. Что я знаю, голубчикъ? Это вы все знаете, а я что якъ могу знать? Глупая я. Ну вотъ, слушайте. Разъ это, дѣвченкой я была, случился у насъ такой случай, что отбился отъ матери теленочекъ, и какъ она его, глупая, упустила! А ужъ къ вечеру это было и говоритъ мнѣ отецъ: Машка, я направо пойду искать, а ты налѣво иди, нѣтъ ли въ корчагинскомъ лѣсу, покликай. Вотъ и пошла я, миленькій, и только что къ лѣсу подхожу, глядь волкъ то изъ кустовъ и шасть!

Керженцевъ открываетъ глаза, смотритъ на Машу и смѣется.

Маша. Что вы смѣетесь?

Керженцевъ. Вы мнѣ, Маша, какъ маленькому — про волка разсказываете! Что якъ, очень страшный былъ волкъ?

Маша. Очень страшный. Только вы не смѣйтесь. я не все еще досказала . . .

Керженцевъ. Ну довольно, Маша. Спасибо. Мнѣ надо писать. Встаетъ.

Маша отодвигая стулъ и поправляя постель. Ну, пишите себѣ. А чаю вамъ сейчасъ принести?

Керженцевъ. Да, пожалуйста.

Маша. Со молокомъ?

Керженцевъ. Да, съ молокомъ. Хлорал-амидъ не забудьте, Маша.

Входитъ, почти столкнувшись съ Машей, докторъ Иванъ Петровичъ.

Иванъ Петровичъ. Здравствуйте, Антонъ Игнатьичъ, добрый вечеръ. Послушайте, Маша, вы почему дверь не закрываете?

Маша. А развѣ я не закрыла? А я думала . . .

Иванъ Петровичъ. А я думала . . . Вы смотрите, Маша! Я послѣдній разъ вамъ говорю . . .

Керженцевъ. Я не убѣгу, коллега.

Иванъ Петровичъ. Не въ томъ дѣло, а порядокъ, мы здѣсь сами на положеніи подчиненныхъ. Ступайте, Маша. Ну, какъ мы себя чувствуемъ?

Керженцевъ. Чувствуемъ мы себя скверно, въ соотвѣтствіи съ нашимъ положеніемъ.

Иванъ Петровичъ. То есть? А видъ у васъ свѣжій. Безсонница?

Керженцевъ. Да. Вчера мнѣ цѣлую ночь не давалъ спать Корниловъ . . . такъ кажется его фамилія?

Иванъ Петровичъ. А что, вылъ? Да, сильный припадокъ. Сумасшедшій домъ, батенька, ничего не пропишешь, или желтый домъ, какъ говорится. А видъ у васъ свѣжій.

Керженцевъ. А у васъ, Иванъ Петровичъ, очень не свѣжій.

Иванъ Петровичъ. Замотался. Эхъ, времени нѣтъ, а то игранулъ бы съ вами въ шахматы, вы вѣдь Ласкеръ!

Керженцевъ. Для испытанія?

Иванъ Петровичъ. То есть? Нѣтъ, какой тамъ — для невиннаго отдохновенія, батенька. Да что васъ испы-

тывать? Вы сами знаете, что вы здоровехоньки. Будь бы моя власть, ни мало не медля отправилъ бы васъ на каторгу. Смѣется. Каторгу вамъ надо, батенька, каторгу, а не хлорал-амидъ!

Керженцевъ. Такъ. А почему, коллега, говоря это, вы не смотрите мнѣ въ глаза?

Иванъ Петровичъ. То есть, какъ въ глаза? А куда же я смотрю — въ глаза!

Керженцевъ. Вы лжете, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ. Ну-ну!

Керженцевъ. Ложь!

Иванъ Петровичъ. Ну-ну! Да и сердитый же вы человѣкъ, Антонъ Игнатьичъ, — чуть что, сейчасъ же браниться. Нехорошо, батенька. Да и чего ради стану я врать?

Керженцевъ. По привычкѣ.

Иванъ Петровичъ. Ну вотъ. Опять!

Смѣется. Керженцевъ угрюмо смотритъ на него.

Керженцевъ. А вы, Иванъ Петровичъ — на сколько бы лѣтъ засадили меня?

Иванъ Петровичъ. То есть въ каторгу? Да лѣтъ бы на пятнадцать, такъ я думаю. Много? Тогда можно и на десять, хватитъ для васъ. Сами же хотите каторги, ну вотъ и отхватайте годковъ десяточекъ.

Керженцевъ. Самъ хочу! — хорошо хочу. Значитъ, въ каторгу? А? Хмыкаетъ угрюмо. Значитъ, пусть господинъ Керженцевъ обрастаетъ волосами какъ обезьяна — а? А вотъ это, значитъ . . . стукаетъ себя по лбу . . . къ чорту, да?

Иванъ Петровичъ. То есть? Ну да и свирѣпый же вы субъектъ, Антонъ Игнатьичъ — очень! Ну-ну, не стоитъ. А я къ вамъ вотъ зачѣмъ, дорогой мой: сегодня у васъ будетъ гость, вѣрнѣе гостья . . . не волнуйтесь! А? Не стоитъ!

Молчаніе.

Керженцевъ. Я не волнуюсь.

Иванъ Петровичъ. Вотъ и прекрасно, что не волнуетесь: ей Богу, нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, изъ за чего стоило бы копья ломать! Нынче ты, а завтра я, какъ говорится . . .

Входитъ Маша и ставитъ стаканъ съ чаемъ.

Иванъ Петровичъ. Маша, барыня тамъ?

Маша. Тамъ, въ корридорѣ.

Иванъ Петровичъ. Ага! Ступайте. Такъ вотъ . . .

Керженцевъ. Савелова?

Иванъ Петровичъ. Да, Савелова, Татьяна Николаевна. Вы не волнуйтесь, дорогой мой, не стоитъ, хотя конечно я бы барыню не пустилъ: и не по правиламъ это, и дѣйствительно тяжелое испытаніе, то есть въ смыслѣ нервовъ. Ну у барыни есть, очевидно, связи, начальство ей разрѣшило, а мы что? — мы люди подчиненные. Но, если вы не хотите, то ваша воля будетъ исполнена: то есть барыньку отошлемъ назадъ, откуда пришла. Такъ какъ же, Антонъ Игнатьичъ? Сможете выдержать эту марку?

Молчаніе.

Керженцевъ. Смогу. Попросите сюда Татьяну Николаевну.

Иванъ Петровичъ. Ну и прекрасно. И еще вотъ что, дорогой мой: при свиданіи будетъ присутствовать нашъ служитель . . . я понимаю, какъ это непріятно, но порядокъ, правила, ничего не пропишешь. Такъ вы ужъ не буяньте, Антонъ Игнатьичъ, не гоните его — я жъ вамъ нарочно такого остолопа далъ, что ни бе ни ме не понимаетъ! Можете спокойно говорить.

Керженцевъ. Хорошо. Просите.

Иванъ Петровичъ. Бонъ вояжъ, коллега, до свиданія. Не волнуйтесь.

Выходитъ. Керженцевъ нѣкоторое время одинъ: быстро смотрится въ маленькое зеркальце и поправляетъ волосы; подтягивается, чтобы казаться спокойнымъ. Входитъ Татьяна Николаевна и служитель, послѣдній становится около двери, ничего

не выражаетъ, лишь изрѣдка конфузливо и виновато почесываетъ носъ. Татьяна Николаевна въ траурѣ, руки въ перчаткахъ, видимо боится, что Керженцевъ протянетъ руку.

Татьяна Николаевна. Здравствуйте, Антонъ Игнатьичъ.

Керженцевъ молчитъ.

Татьяна Николаевна громче. Здравствуйте, Антонъ Игнатьичъ.

Керженцевъ. Здравствуйте.

Татьяна Николаевна. Мнѣ можно сѣсть?

Керженцевъ. Да. — Зачѣмъ вы пришли?

Татьяна Николаевна. Я сейчасъ скажу. Какъ вы себя чувствуете?

Керженцевъ. Хорошо. — Зачѣмъ вы пришли? Я васъ не звалъ и я не хотѣлъ васъ видѣть. Если вы вашимъ трауромъ и всѣмъ вашимъ . . . печальнымъ видомъ хотите пробудить во мнѣ совѣсть или раскаяніе, то это былъ напрасный трудъ, Татьяна Николаевна. Какъ ни драгоцѣнно ваше мнѣніе о совершенномъ мною поступкѣ, но я цѣню только свое мнѣніе. Я уважаю только себя, Татьяна Николаевна—въ этомъ отношеніи я не измѣнился.

Татьяна Николаевна. Нѣтъ, я не за этимъ . . . — Антонъ Игнатьичъ! Вы должны простить меня, я пришла просить у васъ прощенія.

Керженцевъ удивленно. Въ чемъ?

Татьяна Николаевна. Простите меня . . . Онъ слушаетъ насъ и мнѣ неловко говорить . . . Теперь моя жизнь кончена, Антонъ Игнатьичъ, ее унесъ въ могилу Алексѣй, но я не могу и не должна молчать о томъ, что я поняла . . . Онъ насъ слушаетъ.

Керженцевъ. Онъ ничего не понимаетъ. Говорите.

Татьяна Николаевна. Я поняла, что я одна была во всемъ виновата — безъ умысла, конечно, виновата, по женски, но только я одна. Я какъ то забыла, просто мнѣ въ голову не приходило, что вы можете еще любить меня,

и я своей дружбой . . . правда, я любила быть съ вами . . . Но это я довела васъ до болѣзни. Простите меня.

Керженцевъ. До болѣзни? Вы думаете, что я былъ боленъ?

Татьяна Николаевна. Да. Когда въ тотъ день я увидѣла васъ такимъ . . . страшнымъ, такимъ . . . не человѣкомъ, я кажется тогда же поняла, что вы сами только жертва чего то. И . . . это не похоже на правду, но кажется еще въ ту самую минуту, какъ вы подняли руку, чтобы убить . . . моего Алексѣя, я уже простила васъ. Простите и вы меня. Тихо плачетъ, поднимаетъ воаль и подъ воалемъ вытираетъ слезы. Простите, Антонъ Игнатьичъ.

Керженцевъ молча ходитъ по комнатѣ, останавливается.

Керженцевъ. Татьяна Николаевна, послушайте! Я не былъ сумасшедшимъ. — Это . . . ужасно!

Татьяна Николаевна молчитъ.

Керженцевъ. Вѣроятно то, что я сдѣлалъ, хуже, чѣмъ если бы я просто, ну какъ другіе, убилъ Алексѣя . . . Константиновича, — но я не былъ сумасшедшимъ. Татьяна Николаевна, послушайте! Я что то хотѣлъ преодолѣть, я хотѣлъ подняться на какую то вершину воли и свободной мысли . . . если только это правда. Какой ужасъ! Я ничего не знаю. Мнѣ измѣнили, понимаете? Моя мысль, которая была моимъ единственнымъ другомъ, любовницей, защитой отъ жизни; моя мысль, въ которую одну только я вѣрилъ, какъ другіе вѣрятъ въ Бога — она, она, моя мысль стала моимъ врагомъ, моимъ убійцей! Посмотрите на эту голову — въ ней ужасъ невѣроятный!

Ходитъ. Татьяна Николаевна внимательно и со страхомъ смотритъ на него.

Татьяна Николаевна. Я васъ не понимаю. Что вы говорите?

Керженцевъ. При всей силѣ моего ума, думая, какъ . . . паровой молотъ, я теперь не могу рѣшить: былъ ли я сумасшедшій или здоровый. Грань потеряна.

О, подлая мысль, — она можетъ доказать и то, и другое, а что же есть на свѣтѣ, кромѣ моей мысли? Можетъ быть со стороны даже видно, что я не сумасшедшій, но я этого никогда не узнаю. Никогда! Кому мнѣ повѣрить? Одни мнѣ лгутъ, другіе ничего не знаютъ, а третьихъ я, кажется, самъ свожу съ ума. Кто мнѣ скажетъ? Кто скажетъ?

Садится и зажимаетъ голову обѣими руками.

Татьяна Николаевна. Нѣтъ, — вы были сумасшедшій.

Керженцевъ вставая. Татьяна Николаевна!

Татьяна Николаевна. Нѣтъ, вы были сумасшедшій. Я не пришла бы къ вамъ, если бы вы были здоровый. Вы сумасшедшій. Я видѣла, какъ вы убивали, какъ вы поднимали руку . . . вы сумасшедшій!

Керженцевъ. Нѣтъ! Это было . . . наступленіе.

Татьяна Николаевна. Зачѣмъ же тогда вы били еще и еще? Онъ уже лежалъ, онъ уже былъ . . . мертвый, а вы все били, били! И у васъ были такіе глаза!

Керженцевъ. Это неправда: я ударилъ только разъ!

Татьяна Николаевна. Ага! вы забыли! Нѣтъ, не разъ, вы ударили много, вы были, какъ звѣрь, вы сумасшедшій!

Керженцевъ. Да, я забылъ. Какъ могъ я забыть? Татьяна Николаевна, слушайте, это было изступленіе, вѣдь это бываетъ же! Но первый ударъ . . .

Татьяна Николаевна кричитъ. Нѣтъ! Отойдите! У васъ и сейчасъ такіе глаза . . . Отойдите!

Служитель шевелится и дѣлаетъ шагъ впередъ.

Керженцевъ. Я отошолъ. — Это неправда. У меня такіе глаза, оттого, что у меня безсонница, оттого, что я невыносимо страдаю. Но умоляю васъ, я когда то любилъ тебя и ты человѣкъ, ты пришла простить меня . . .

Татьяна Николаевна. Не подходите!

Керженцевъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не подхожу. — Послушайте . . . послушай! — Нѣтъ, я не подхожу. — Скажите, скажи . . . ты человѣкъ, ты благородный человѣкъ и я тебѣ повѣрю. Скажи! Напряги весь твой умъ и скажи мнѣ спокойно, я повѣрю, скажи, что я не сумасшедшій.

Татьяна Николаевна. Стойте тамъ!

Керженцевъ. Я здѣсь. — Я только хочу стать на колѣни. — Помилуй меня, скажи! Подумай, Таня, какъ я ужасающе, какъ я не вѣроятно одинокъ! Не прощай меня, не надо, я не стою этого, но скажи правду. Ты же одна знаешь меня, они меня не знаютъ. Хочешь, я дамъ тебѣ клятву, что если ты скажешь, — я убью себя, самъ, самъ отомщу за Алексѣя, пойду къ нему . . .

Татьяна Николаевна. Къ нему? Вы? Нѣтъ, вы — сумасшедшій. Да, да! Я васъ боюсь!

Керженцевъ. Таня!

Татьяна Николаевна. Встаньте!

Керженцевъ. Хорошо, я всталъ. Ты видишь, какъ я послушенъ, развѣ сумасшедшіе бываютъ такъ послушны? Спроси его!

Татьяна Николаевна. Говорите мнѣ вы.

Керженцевъ. Хорошо. Да, конечно, я не имѣю права, я забылся и я понимаю, что вы сейчасъ ненавидите меня, ненавидите за то, что я здоровый, но во имя правды — скажите!

Татьяна Николаевна. Нѣтъ.

Керженцевъ. Во имя . . . убитаго!

Татьяна Николаевна. Нѣтъ, нѣтъ! Я ухожу. Прощайте! Пусть васъ судятъ люди, пусть васъ судитъ Богъ, но я васъ . . . прощаю! Это я довела васъ до сумасшествія, и я ухожу. Простите меня.

Керженцевъ. Постойте! Не уходите же! — Такъ нельзя уходить!

Татьяна Николаевна. Не трогайте меня рукой! Вы слышите!

Керженцевъ. Нѣтъ, нѣтъ, я нечаянно, я отошолъ. Будемъ серіозны, Татьяна Николаевна, будемъ совсѣмъ, какъ серіозные люди. Садитесь . . . или не хотите? Ну хорошо, я тоже буду стоять. — Такъ вотъ въ чемъ дѣло: я, видите ли, одинокъ. Я одинокъ ужасно, какъ никто въ мірѣ. Честное слово! Видите ли, наступаетъ ночь и меня охватываетъ бѣшеный ужасъ. Да, да, одиночество! . . Великое и грозное одиночество, когда кругомъ ничего, зіяющая пустота, понимаете? Не уходите же!

Татьяна Николаевна. Прощайте!

Керженцевъ. Одно только слово, я сейчасъ. Одно только слово! Одиночество мое! . . нѣтъ, я больше не буду про одиночество! Скажите же, что вы поняли, скажите . . . вы не смѣете уходить такъ!

Татьяна Николаевна. Прощайте.

Быстро выходитъ. Керженцевъ бросается за нею, но служитель загораживаетъ ему дорогу. Въ слѣдующую минуту съ привычной ловкостью онъ выскальзываетъ самъ и закрываетъ дверь передъ Керженцевымъ.

Керженцевъ бѣшено стучится кулаками, кричитъ. Откройте! Я сломаю дверь! Татьяна Николаевна! Откройте!

Отходитъ отъ двери и молча хватается за голову, вцѣпляется руками въ волосы. Такъ стоитъ.

Занавѣсъ.

	м.	пф.
Максимъ Горькій, Записки проходящаго. Часть I	2	—
Часть II	1	50
——Интервью. Одинъ изъ королей республики . . .	—	50
—— „ Жрецъ морали	—	50
—— „ Хозяева жизни	—	50
——Лѣто. Повѣсть	3	—
——Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть. Въ 4-хъ частяхъ. Каждая часть	2	50
——Мать. Повѣсть изъ жизни рабочихъ. (Въ Россіи конфисковано)	4	—
——Мордовка. Разсказъ	—	60
——Разсказъ Филиппа Васильевича	—	90
——Романтикъ. Разсказъ	—	60
——Русскія сказки	1	—
——Сказки	2	—
——Случай изъ жизни Макара. Рожденіе человѣка. Два разсказа	1	—
——Солдаты. Очерки. Содержаніе: Патруль. — Изъ повѣсти. (Въ Россіи конфисковано)	1	—
——Товарищъ! Сказка	—	50
——Три дня. Разсказъ	1	50
——Хозяинъ. Повѣсть	2	—
——Человѣкъ. Поэма	—	60
——А. П. Чеховъ. Отрывки изъ воспоминаній . . .	—	90
——Чудаки. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1	50
Н. Н. Гусевъ, Левъ Толстой противъ государства и церкви. Не напечатанныя въ Россіи мѣста изъ записокъ бывшаго секретаря Л. Н. Толстого «Два года съ Л. Н. Толстымъ»	2	—
Вл. Дебогорій-Мокріевичъ, Воспоминанія. (Въ Россіи конфисковано)	6	50
Левъ Дейчъ, Четыре побѣга. Воспоминанія	2	50
О. Д. Дурново, Такъ говорилъ Христосъ	4	—
Осипъ Дымовъ, Бѣгущіе креста. Романъ	4	—
——Каждый день. Трагедія въ 4-хъ частяхъ . . .	1	—
Арвидъ Ернефельтъ, Титъ, Разрушитель Іерусалима. Драма въ пяти дѣйствіяхъ	1	50
А. Золотаревъ, Во едину отъ Субботъ. Романъ . .	4	—
Владиміръ Короленко, Бытовое явленіе. Замѣтки публициста о смертной казни	1	50
Н. А. Крашенинниковъ, Барышни. Романъ	3	—
——Дѣвственность. Романъ въ 3-хъ частяхъ . . .	5	—
——Плачъ Рахили. Тысячелѣтняя сказка въ 3-хъ картинахъ	2	—
Ген-ад. А. Н. Куропаткинъ, Записки о русско-японской войнѣ. (Въ Россіи конфисковано)	8	—
Ю. Лавриновичъ, Кто устроилъ погромы въ Россіи? (Въ Россіи конфисковано)	4	—

	м.	п.
А. Б. Левинъ, Путеводители: I. Висбаденъ	1	2
II. Гомбургъ	1	2
III. Южный Тироль . . .	1	2
Д. С. Мережковскій, Смерть Павла I. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. (Въ Россіи конфисковано)	2	—
В. С. Морозовъ, За одно слово. Разсказъ, съ предисл. Л. Н. Толстого. (Въ Россіи конфисковано)	—	50
Г. Панюринъ, Императоръ Николай I. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. (Въ Россіи конфисковано)	2	—
Г. Петровъ, Письмо Митрополиту Антонію. (Въ Россіи конфисковано)	1	—
Погромы въ Россіи. По оффиціальнымъ документамъ. (Въ Россіи конфисковано)	6	—
С. Рафаловичъ, Speculum animae	7	50
Л. Н. Толстой, Воскресеніе. Полное исправленное изданіе, по оставленной авторомъ новой редакціи. (Въ Россіи конфисковано)	5	—
——Живой трупъ. Драма	2	—
——И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Драма. (Въ Россіи конфисковано)	2	—
——Мелкіе разсказы. (Въ Россіи конфисковано) . .	1	—
——Не могу молчать. О смертныхъ казняхъ въ Россіи. (Въ Россіи конфисковано)	1	—
——Посмертныя художественныя произведенія. Въ трехъ томахъ. Каждый томъ	3	—
——Смертная казнь и Христіанство. (Въ Россіи конфисковано)	1	—
——Хаджи Муратъ. Романъ	2	—
Кн. С. Д. Урусовъ, Записки губернатора. Кишиневъ 1903/4 г. Изд. 2-е дополненное. (Въ Россіи конфиск.)	3	—
Евгеній Чириковъ, Красные огни. Драматич. фантазія	1	—
——Легенда стараго замка. Драматическая фантазія	1	50
——Мужики. Сцены изъ крестьянской жизни	2	—
——Мятежники. Повѣсть изъ крестьянскаго движенія	1	50
——На порогѣ жизни. Разсказъ	—	60
——На порукахъ. Повѣсть	1	—
——„Товарищъ". Разсказъ изъ тюремной жизни. (Въ Россіи конфисковано)	—	50
Шаломъ Алейхемъ, Избранные разсказы	3	—
Семенъ Юшкевичъ, Голодъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ	2	—
——Дина Гланкъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . .	1	50
——Евреи. Повѣсть	2	—
——Прологъ. Романъ	2	—
——Семья. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ	1	—
——Чужая. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ	1	—

Подробные каталоги высылаются по желанію.

PG
3452
M95

Andreev, Leonid Nikolaevich
Мысль.
[Title translit.: Mysl']

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY